

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Валерий
АФАНАСЬЕВ

ТАРСИ

Валерий Афанасьев

Тарси

«ЭКСМО»

2013

Афанасьев В. Ю.

Тарси / В. Ю. Афанасьев — «Эксмо», 2013

Студент Павел Скоробогатов решил хорошенько отдохнуть во время летних каникул. Оттянуться по полной. Ну и оттянулся на свою голову. Инопланетная раса тарси, пребывающая на Земле совершенно официально и зарекомендовавшая себя бескорыстной помощью человечеству, сделала Павлу предложение, от которого он не смог отказаться. А предстояло ему ни много ни мало спасти жителей далекой планеты Толха от неминуемой агрессии государства Лутсор. Но соглашаясь на эту авантюру, Павел и предположить не мог, что главным оружием в борьбе с лутсорцами может оказаться... золото! И не просто золото, а много – десятки и сотни тонн! Ну а против золота нет приема...

© Афанасьев В. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валерий Афанасьев

Тарси

Надеюсь, что каждый найдет в этой книге что-то интересное. Кто-то приключения, кто-то – вопросы, кто-то – ответы. Кто-то согласится или поспорит, или просто приятно проведет время, наблюдая за приключениями героев. Приятного прочтения...

Автор выражает признательность Владимиру Николаеву за помощь в вычитке текста.

Пролог

Я вышел из дома с получасовым запасом. Последнюю неделю я чувствовал к себе слишком пристальное внимание, и это настораживало. Неужели наши родные спецслужбы решили активизировать работу? С чего бы? Я и так рассказал все без утайки. Может, включилась в игру одна из иностранных разведок? Или это частная инициатива? Не лучший вариант. В таком случае к делу могут привлечь дилетантов, что весьма опасно. Неизвестно, что взбредет им в голову в следующий момент. Пока наблюдатели ситуацию не форсировали, и я размышлял, стоит ли что-то предпринять или нет.

Позвонить своим работодателям? Они быстро установят тех, кто затеял вокруг меня непонятную суету. Только не хотелось лишний раз беспокоить их просьбами. Они, конечно, не откажут, но невольно начнешь чувствовать себя обязанным. Может, дело и яйца выеденного не стоит, а я буду их дергать.

Можно нанять частное детективное агентство, это не так надежно, зато легкорезализуемо.

Ладно, посмотрю, как будут развиваться события. Сегодня мне постороннее внимание совсем ни к чему, придется наблюдателям поскучать. Вряд ли на меня смогли навешать жучков, но на всякий случай перед выходом из дома я провел дезинфекцию – заглянул в ванную и на пару секунд включил прибор, генерирующий мощнейшее электромагнитное поле. Средство надежное, вся электроника выходит из строя моментально. Когда я в первый раз испытывал этот прибор, то сжег соседям несколько телевизоров. Себе, кстати, тоже, но это разрешилось проще всего. С соседями же пришлось проявить изобретательность, откупая им испорченную технику от имени ЖЭКа, который якобы не уследил за скачком напряжения. После этого от подобных сопутствующих эффектов я решил себя на будущее обезопасить.

Не знаю, что подумали рабочие, когда я просил их обшить ванную комнату свинцовыми пластинами. На вопрос «Зачем?» я ввернул что-то о влиянии радиационного фона на человека во время приема душа. Отмазка так себе. А нечего спрашивать. Заказчик платит за то, чтобы обшили стены свинцом. Что в этом противозаконного? А если ничего, то будьте любезны выполнять.

Больше соседям электронику я не портил, свинец хорошо экранирует электромагнитный импульс. Прибором же, уничтожающим потенциальных жучков, иногда пользовался. Дешево и сердито – палит не только работающие устройства наблюдения, но и спящие, обнаружить которые не так просто. Вот только злоупотреблять подобной процедурой не стоит, сильные электромагнитные поля для человека тоже не слишком полезны.

Я вышел из подъезда, свернул налево по улице и сразу заметил, как засуетились два типа на углу у киоска. Точно, не профессионалы. Рассчитывали, что я пойду направо к метро? Профессионалы предусмотрели бы все варианты или, по крайней мере, не стали бы суетиться. Но то, что я могу поехать от дома на такси, они должны были предусмотреть, значит, где-то есть, как минимум, третий с машиной.

Я свернул под арку и успел краем глаза заметить, как парни нырнули в джип, который тут же сорвался с места. Итого трое. Похоже, действия активизировались. Интересно, какие у них инструкции? Я свернул к подъезду старого дома, потянул на себя высокую, под два с половиной метра, дверь и бросил взгляд за спину. Джип с визгом тормознул, все трое выскочили на асфальт.

Я позволил двери захлопнуться за спиной и сделал шаг в сторону. Широкая площадка тонула в полутьме. Ничего, у меня есть несколько секунд, чтобы глаза привыкли, а вот противнику придется действовать почти вслепую.

Первый пролетел мимо меня к лестнице, второй рванул следом: банальная подножка заставила его еще больше ускориться в попытке не упасть и догнать первого. В результате упали оба. Грохнул выстрел, номер первый с испугу пальнул куда попало. Понимаю, неприятно, когда тебя хватают за ноги в темном подъезде, но это не повод палить. Хорошо, если он не пристрелил своего приятеля. Где же номер третий? Ага, стоит у двери с пистолетом наготове. Разобраться пока с этими двумя? Нет, вдруг он рванет на помощь в неподходящий момент. Значит, разбираемся с тем, кто оказался самым умным. Посмотрим, насколько он умен. Пуля в грудь – вещь неприятная, даже несмотря на бронежилет, напролом ломиться не будем. Но действовать надо быстро, у меня всего несколько секунд, пока первые двое не опомнились. Я взвесил в руке ведро, подобранное под лестницей, и бросил его номеру третьему под ноги.

Естественная реакция легко предсказуема – он отпрыгнул в сторону, пистолет сместился в направлении движущегося предмета, представляющего потенциальную опасность – то есть ведра. На секунду, но мне этого хватило, чтобы сделать шаг навстречу и без затей провести прямой удар в корпус. Номер третий осел на землю, а я подхватил из его ослабевшей руки пистолет и отпрянул к стене.

По мнению тех двоих, которые в подъезде, я сейчас должен поспешно убегать. Ничему люди не учатся на своих ошибках. Первый выскочил на улицу и попался на ту же самую банальную подножку: проехался животом по ступенькам под крики и ругань и приземлился неподалеку от номера третьего. У оставшегося в подъезде сдали нервы, и он принялся палить сквозь дверь. Люди предусмотрительно шарахались в стороны, кто-то принялся звонить в милицию.

Я же, не теряя времени, быстренько связал тех двоих, которые на улице, пока они не пришли в себя. Может, дождаться милицию? Пусть сами достают неадекватного стрелка из подъезда. Но тогда точно на встречу опоздаю.

– Эй, стрелок, что тебе надо?

– Ты что вытворяешь?! С тобой по-человечески поговорить хотели!

Должно быть, он забыл, что это такое – по-человечески.

– Так говори. Что тебе мешает?

– Не о чем мне с тобой говорить! Говорить с тобой будут другие люди в другом месте!

Ишь как разошелся.

– Выходить-то думаешь?

Стрелок разразился нецензурной бранью.

– Что ж, тогда прощай. Бросаю гранату.

Я приоткрыл дверь и бросил в подъезд пистолет номера третьего. Вряд ли номер второй рассмотрит в полутьме, что именно к нему прилетело. Интересно, выскочит на улицу или упадет? Судя по стуку, номер первый упал. Я не стал медлить и шагнул за дверь.

Все-таки он оказался шустрым: успел приподняться, припасть на колено и поднять пистолет. Но выстрелить не успел: не стреляют пистолеты без ствола.

Парень смотрел на рукоять пистолета, зажатую в руке, на ствол, валяющийся на полу, и короткий клинок в моей руке.

– Как это? – заикаясь спросил он.

– А вот так: дрянные пистолеты делают, не иначе как тебе подсунили дешевую подделку.

– За-зачем тебе меч?

Разве ж это меч? Так, короткий клинок сантиметров сорок длиной, настоящий меч под курткой не спрячешь, а носить его у всех на виду: люди будут оглядываться вслед, да и у милиции вопросы появятся. Но сталь у клинка отменная. А может, и не сталь вовсе, я не знаю состав сплава, знаю лишь, что он отменного качества.

Не спорю, пистолет можно было просто выбить. Зачем мне меч? А вот именно затем, чтобы произвести должное впечатление: половина пистолета в руке вместо целого очень хороший повод поговорить.

– Рассказывай.

– Я ничего не знаю, нам поручили схватить тебя и привезти для разговора.

– Наблюдение за мной вы вели?

– Нет, нам сообщили, где и когда тебя ждать.

Понятно: исполнители, работающие втемную. К тому же исполнители не самого высокого уровня: работают без затей, чуть что – сразу стрелять начинают. Не узнаю я у этого типа ничего интересного. В крайнем случае, назовет фамилию своего непосредственного шефа, и все.

Глупая какая-то история. Наблюдатели явно действовали тоньше. Что за странная попытка захвата? Или проба сил? Ладно, с этим есть кому разобраться.

– Руки за спину!

Парень подчинился, вид клинка в моих руках действовал на него гипнотически. Я выдернул его брючный ремень, связал ему руки за спиной и привязал к батарее. Быстро не распутается, а там и милиция подоспеет или те, кому я собираюсь звонить.

– Алло. Степан Сергеевич? Здесь ваши конкуренты объявились. Записывайте адрес.

Дело сделано. Пусть с теми, кому я в очередной раз понадобился, разбираются профессионалы.

Я вышел на улицу и свернул в переулок, на проспекте уже была слышна милицейская сирена. Ждать приезда милиции я не стал, не опасался и того, что меня станут искать – люди Степана Сергеевича разберутся с этим вопросом. Скорее всего заберут дело себе вместе с неудачливыми нападающими.

Как-то в этот раз все несерьезно. Вот полгода назад... Тогда все было организовано с выдумкой и хорошей подготовкой.

Стайка девиц студенческого возраста вывалилась из кафе, весело галдя и заполняя округу беззаботным щебетом. Я улыбнулся, подмигнул им и поймал на себе парочку заинтересованных взглядов. Остановиться? Завязать разговор? Почему бы и нет? Увы, время не позволяло сейчас отвлекаться, у меня была назначена встреча, и опаздывать на нее было очень нежелательно. Я вообще не люблю опаздывать, от этого все запланированные дела начинают идти наперекосяк.

Студентки о чем-то зашептались и разразились смехом, бросая взгляды в мою сторону. Явно обсуждают мою кандидатуру и делятся впечатлениями.

Что там рассматривать? Ну да, рост выше среднего, телосложение подтянутое, правильные черты лица, глаза карие, волосы русые. Обычная внешность: не красавец, не урод. Разве что улыбка? Говорят, она у меня обаятельная. Но верить всему, что говорят, не следует.

Вообще-то, я довольно открыт и до некоторых пределов доброжелателен, но уже не так беззаботен, как когда-то. Сколько лет прошло с той поры, как я был таким же беззаботным шалопаем? Всего-то года два, а кажется, что десять. Да нет, пожалуй, два с половиной, если считать отправной точкой, резко изменившей мою судьбу, ссору с Юлькой. С той поры изменилось слишком многое, я повзрослел. Внешне это не слишком заметно: несколько лет плюс, несколько лет минус. В этом ли дело? Но если припомнить все произошедшие с той поры события...

Глава 1

Я тогда был ужасно расстроен, поскольку это была не просто ссора, а ссора окончательная. Юлька расставила все точки над «і», заявив со всей определенностью, что я ей не подхожу ни по одному из требуемых параметров, и вообще ей нравится другой. Она такая – может отрубить раз и навсегда. Признаться, я ничего подобного не ожидал.

Это был удар такой же сильный, как и неожиданный. Должен признать, я был к ней неравнодушен. Очень равнодушен. Тем сложнее было удержать себя в руках, точнее, делать вид, что держу.

Настроение у меня образовалось преотвратнейшее. Весь белый свет стал мне немил, а из всех желаний осталось только одно – пойти и немедленно напиться. И не последовал я ему лишь потому, что это была бы капитуляция – полное и безоговорочное признание своего поражения. Я скрипел зубами, натянуто улыбался и старался не показать, насколько же мне в данный момент плохо.

Второй мыслью было – немедленно найти равноценную замену, а то и лучше. Хотя лучше, чем Юлька, не найдешь (так мне тогда казалось).

Тем не менее пройти под ручку с красавицей по центральному бульвару я посчитал привлекательной идеей. Да так, чтобы Юльке непременно об этом рассказали и она поняла, кого потеряла.

Но злая проза жизни любит посылать разочарования одно за другим. В иное время красавицы стайками выются, а когда они нужны, не найдешь ни одной. Те, что есть, непременно заняты, а те, что не заняты... Они, конечно, тоже красавицы, но сравнения с Юлькой не выдерживают. Приглашать же на свидание кого попало это издевательство над здравым смыслом, так можно добиться только одного: посочувствуют не Юльке, а мне. А мне это надо? И так нелегко.

Учеба в голову не шла совершенно. Хорошо еще, что сессия заканчивалась, и я кое-как на автомате сдал два предмета, в основном пользуясь былыми заслугами и тем, что успел усвоить за год. Оставался еще один экзамен и несколько мелких задолженностей.

Выручали тренировки. Правда, и здесь не обошлось без накладок: я вкладывал в учебные поединки все, что накопилось на душе. Спарринг-партнеры стали меня откровенно избегать, а тренер начал смотреть с подозрением и посоветовал ограничиться работой с тренажерами.

– А если не уймешься, поставлю тебя в пару с Грызли, – таков был его однозначный вердикт.

Грызли – это серьезно. Это вовсе не медведь, как можно было бы подумать, хотя внешне весьма похож. Попробуйте посоревноваться со стапятидесятикилограммовой горой мышц. Грызли может помять двух таких противников, как я. Он на спор пробивает кулаком нетолстую кирпичную стену и держит удар в корпус силой более чем в сто килограммов. К счастью, у него на удивление ровный характер. Зачем ему дзюдо, ума не приложу.

Как я уже сказал, Грызли – парень добродушный, но если в спарринге увлечется, то может быть по-настоящему опасен. Поэтому предупреждение тренера слегка охладило мой воинственный пыл: парочка переломов вряд ли сможет улучшить настроение.

Но если воинственный пыл охладел, то настроение и не думало улучшаться. Не знаю, во что бы все это вылилось в результате. Скорее всего чувства перегорели бы и жизнь двинулась бы дальше по накатанной, но все пошло немного не так. Очередной поворотной вехой на пути оказался мой сосед по комнате Сашка Локтев. Кто бы мог подумать! Четыре года мы прожили с Сашкой и Ромкой в одной комнате институтской общаги, и я думал, что знаю о них все.

Сашка – субтильный очкарик, пытающийся спланировать все свои действия на год вперед. Подобного я от него никак не ожидал.

– Как ты думаешь, у меня есть музыкальные способности? – поинтересовался он.

Я так углубился в свои мысли, что не сразу понял, о чем он спрашивает.

– Так есть или нет? – дернул Сашка меня за рукав.

– А? О чем ты?

– О способностях. Ты слушаешь или где?

– О каких способностях?

– О своих. Есть ли у меня призвание к музыке?

– С чего вдруг такие странные мысли? Ты не находишь, что слишком поздно задался этим вопросом?

Четыре года учиться в техническом вузе, чтобы потом озадачиться подобным вопросом, весьма странно.

– Да, наверное, ты прав. Хотя... – Сашка задумался и ответил совсем невпопад, как мне сначала показалось. – Ты Людку Макееву помнишь?

– Это которую?

– Ну, как же, невысокая брюнетка, училась на год старше нас. Сейчас печатается сразу в нескольких популярных журналах.

– А, это она подписывается странным псевдонимом «Малек»?

– Станным или нет, а только все ее публикации расходятся влет.

– Бывает. Техника вообще ближе нам, мужикам, – обсуждать успехи Людмилы Макеевой у меня не было никакого желания.

– Ну да, мужикам ближе, – согласился Сашка. – А Илья Стальной?

– А что Илья?

– Ты с ним не знаком?

– Наслышан. И что?

– Собирался учиться на филолога, но неожиданно изменил свое решение. Сейчас он работает поваром в одном из лучших парижских ресторанов. Говорят, он весьма доволен своим выбором.

– И что?

– И то. Это все тарси, – ответил Сашка.

– Что «тарси»?

– Паша, не тупи.

Паша – это я. Павел Николаевич Скоробогатов. Вопреки фамилии я совсем не богат. Впрочем, двадцать три года, быть может, это недостаточно скоро? Но и родители мои небогаты, а им уже около пятидесяти. Получается, фамилия никак не может предвещать будущее. И все же «Скоробогатов» звучит приятнее, чем, скажем, Скоробеден.

– Это все тарси! – Сашка принялся темпераментно размахивать руками. – Это они посоветовали Людочке и Илье сменить род деятельности!

– Да с чего ты взял?

– Знаю, – уверенно заявил Санек.

– Ну а ты здесь при чем?

Сашка смутился и потупился:

– Ну, я, значит, тоже заявку отослал. Чем я хуже других?

– Ты ходил в представительство Тарси? – удивился я.

– А я тебе о чем уже битых полчаса толкую?

– Пойми тебя. То про Илью рассказываешь, то про Людмилу-Малька.

– Это ж я для примера! Ведь сбывается же!

– Да что сбывается-то? Ну, угадали они несколько раз, и что с того?

– Как ты не понимаешь, они не угадывают, они определяют предрасположенность.

– Ага, выбирают за тебя, кем тебе быть.

– И вовсе не выбирают, а лишь советуют. И потом, если предрасположенность есть, то она есть.

– Почему же тогда не всем о ней говорят?

– Не знаю, – пожал плечами Сашка. – Может, у кого-то ее нет, этой самой предрасположенности.

– Скажешь тоже. Она у всех есть. Не может быть человека, вообще ни к чему не расположенного.

– Тогда не знаю. Им виднее.

С тарси было слишком много непонятного. Точнее, непонятным было все, начиная с причины их появления на Земле. Кто-то утверждал, что они нас изучают или даже ставят эксперименты. Кто-то яростно доказывал, что они намерены облагодетельствовать все человечество, в пример приводились медицинские технологии, переданные людям. Сами тарси не стремились к увеличению круга общения и редко покидали свои представительства. Что касается медицинских технологий, то неизвестно, сколько в их передаче было от желания облагодетельствовать.

Это была плата. Плата за лояльность правительств и возможность находиться на Земле. Золото, престиж, власть. Все это важно, но когда платой выступает десяток-другой лет жизни, когда предлагаются лекарства от ранее неизлечимых болезней... У кого, скажите мне, хватит духа отказаться? Тем более что соседи могут согласиться и получить все, что им предлагается.

Разумеется, не обошлось без попыток получить и иные технологии. Только официальных обращений насчитывались десятки. Но, думаю, это далеко не все. Сколько таких попыток осталось неизвестными широкому кругу общественности, можно только гадать. В дело шли и лесть, и шантаж, и попытки вести сепаратные переговоры. Но ответ был категорическим: кроме медицинских технологий – ничего.

Что в обмен? Разрешение разместить на Земле свои представительства и возможность свободного доступа в эти представительства любого желающего. Разумеется, не все было так просто. Заявку на посещение следовало подавать заранее, и лишь получив пропуск, можно было побывать у тарси лично.

Иногда ожидали месяц, порой заявки не получали ответа несколько лет. Во всем этом не было никакой системы. Не обошлось и без хитрецов, пожелавших воспользоваться служебным положением и попытаться решить свой личный вопрос без очереди. Вот только хитрецы перехитрили самих себя. Их выслушивали, но ответ на их просьбы был один: «Ничем не можем помочь».

Впрочем, это еще не значит, что помогали всем тем, кто пришел по записи. Случалось, что и помогали, но происходило такое очень редко. Чаще можно было получить совет или ответ на вопрос. Но и это происходило далеко не всегда.

Тарси помогали или нет, давали совет или воздерживались от этого, но никогда не объясняли причину согласия или отказа.

Надо ли говорить о том, что недовольных таким положением дел было очень много. Лишь сообщение об очередном чудесном лекарстве, произведенном с помощью технологий, предоставленных тарси, несколько охлаждало горячие головы.

Были и те, кого никакие увещания не заставляли мириться с тарси. Радикалы требовали закрытия всех представительств тарси и предлагали им убраться из Солнечной системы. Но таких было немного. У большинства людей таинственные пришельцы вызывали интерес. У кого-то искренний, у кого-то настороженный.

Не обошлось и без спецслужб. Кому интересоваться всем таинственным, как не им? Работы по сбору информации о таинственных благодетелях велись постоянно. Правда, посещениям представительств спецслужбы не препятствовали – это было бы прямым нарушением договоренностей.

Десятки тысяч людей осаждали представительства тарси с лозунгами, зачастую противоположными. Миллионы людей воспользовались возможностью лично получить аудиенцию. Но я никак не предполагал, что среди этих миллионов окажется и мой приятель Сашка.

– И долго тебе пришлось ждать пропуск? – поинтересовался я.

– Три месяца.

– Три месяца?! И ты молчал?

Не ожидал я такого от Сашки, о всех своих планах он любит рассказывать подробно и заранее.

– Думал, может, ничего и не получится. Некоторые годами ждут.

– Рассказывай, как все прошло. – Не каждый день случается послушать от своего приятеля о таких вещах.

– Ну как. Прислали мне карточку пропуска, там был указан день и час. Пришел, меня пропустили.

– А дальше?

– Проводили в приемную. Там секретарь, или секретарша, как их различить, понятия не имею.

– Различать будешь потом, рассказывай, что дальше было.

– В общем, секретарь поинтересовался причиной моего визита.

– А ты разве не указывал причину, когда заявку на пропуск подавал?

– Нет. Лишь написал, что причина личного характера. Здесь же попросили причину уточнить. Я сказал, что хотел бы узнать о своей предрасположенности. Секретарь направил меня в одну из комнат, там меня встретил другой тарси, с полчаса расспрашивал меня, время от времени смотрел на монитор. Я уже думал, что он ничего не скажет относительно моего вопроса. Но он ответил. У вас, говорит, яркая предрасположенность к творческой деятельности. Предпочтительно в области музыки. Вот я и думаю теперь: я ведь музыку действительно люблю, в детстве даже хотел записаться в музыкальную школу. Не сложилось.

Это верно, Сашок часто негромко мурлыкал какую-нибудь мелодию. А о музыкальной школе я узнал впервые, не рассказывал он об этом.

– И что теперь? Неужели хочешь учебу бросить? Тебе год всего доучиться осталось.

– Не знаю, – Сашка печально вздохнул. – Может, как-то удастся совмещать.

– Ну-ну. Ты мне вот что скажи: это твое желание или желание тарси?

– Наверное, мое, – подумав, отозвался Сашок. – У меня всегда было подспудное желание заниматься музыкой, только я никогда не воспринимал его всерьез, старался отбросить, загнать внутрь.

– А теперь, значит, воспринял? Да что изменилось-то? Неужели ты изменился только оттого, что тебе напомнили о твоём собственном желании?

– Почему изменился? Я – это я. А музыка? В общем, иногда полезно услышать о чем-то со стороны.

– А если бы тебе сказали, что твоя судьба – быть геологом? Бросил бы все и подался бы в горы искать полезные ископаемые?

– Но не посоветовали же.

– А если бы?

Сашка на минуту замолчал, явно представляя себя в роли геолога.

– Нет. Геологом вряд ли, не мое это. Не манит.

– Значит, все-таки совпало? Что ж, я рад за тебя. Говорят, не всегда совпадает.

– А вот и нет. Совпадает в большинстве случаев, просто не все хотят прислушаться к совету, некоторые так и продолжают игнорировать свое предназначение. А зря.

– То есть ты абсолютно уверен, что достигнешь высот на музыкальном поприще?

– Да нет же, я не о том. Предназначение – еще не гарантия успеха. Просто оно – твое. Вот как тебе объяснить? Например, один предмет ты учишь с удовольствием, а другой потому, что надо учить. Если что-то делаешь с удовольствием, это и есть твое предназначение.

– То есть если я с удовольствием ем, то это и есть мое предназначение?

– Если это единственная цель твоей жизни, то да.

Вот так раз, это Санек загнул, отбрил по полной программе. Впрочем, какой вопрос, такой и ответ. Если не желаете ничего, кроме как потреблять пищу, зовитесь, сударь, хомяком. А если зваться хомяком не желаете, то стоит решить, что же вам еще в этой жизни интересно.

– Ладно, допустим, с едой я погорячился. О женщинах тоже умолчу, чтобы ты не назвал меня кроликом.

Сашка многозначительно хмыкнул, видимо, сравнение висело у него на языке.

– Тогда стоит определиться с тем, что же это такое, предназначение.

– Я тебе об этом и толкую – любимое дело, которое тебе в удовольствие, а людям на пользу, – начал рассуждать Сашка.

– Ну а если, например, все захотят стать министрами? Откуда столько постов взять?

– Не захотят. А если захотят, то лишь потому, что не знают своего истинного предназначения. Предназначение – это не только желание, а еще и гарантия того, что при должном усердии ты сможешь делать свое дело лучше всех. Я, например, могу тебя заверить в том, что из меня никогда ни при каких условиях не получится чемпион по прыжкам с шестом. Зачем же мне этого хотеть? Получится одно расстройство. Оттого все беды, что люди стремятся совсем не к тому, в чем их предназначение.

– Да ты, брат, философ.

Не предполагал я такого развития разговора.

– Философ? Вряд ли. Да и нет здесь ничего особенного, это надо просто понять. Вот Людочка-Малек. Что ее ждало, не подайся она в журналисты? Заняла бы чужое место, переключивалась бы на работе бумажки, через десять лет стала бы ворчливой гримзой, от вечной неудовлетворенности жизнью пилила бы мужа и жаловалась подругам на все, что придется.

Я рассмеялся, представив Людочку в образе старой гримзы.

– Зря смеешься, – добавил Сашка, – так бы все и было. Самое интересное в том, что ей и в голову не пришло бы, что причина ее неудовлетворенности вовсе не в устаревшей бытовой технике и в не слишком высокой зарплате мужа, а в том, что она не нашла свое предназначение.

Я перестал смеяться и подумал: а вдруг Сашка прав? Вдруг все наши беды оттого, что люди пытаются заниматься не своим делом? Не нашли свое место. Пожалуй, свалить все беды мира только на это было бы слишком. Но даже если не все... Если человек не нашел свое место, то занял место кого-то другого, и тот другой уже не может заняться любимым делом, поскольку места-то не резиновые. И оба недовольны.

Но при чем здесь тарси? Хорошо, допустим, с их уровнем технологии можно определить предрасположенность человека к тому или иному делу. Но почему они не всем говорят об их предрасположенности? Не могут? Или не хотят?

– И какие они? Тарси.

– Да ты их видел сотни раз. По телевизору их показывают каждый день, – Сашка пожал плечами.

– По телевизору – это не то.

– Что тебе сказать? Тарси как тарси. Если тебе интересно, подай заявку, сходи посмотри.

– Чтобы определили мое место в этом мире? – я постарался добавить в голос скепсиса.

– Тарси никому ничего не навязывают. Слушать их или нет, личный выбор каждого.

Выбор – это хорошо. Есть ли выбор, когда от тоски на стену лезть хочется?

Сходить, что ли, посмотреть на этих мудрецов? Если они так умны, то пусть скажут, какой может быть выбор, когда выбора нет. Я запустил комп и нашел требуемый сайт. Тарси

активно пользуются земным Интернетом. Наверняка между собой они связываются и без участия наших технологий, но заявку на посещение их представительства можно отправить с любого подключенного к Интернету компа.

Глава 2

Я отправил заявку и благополучно забыл о ней. Через неделю начинались летние каникулы, осталось разобраться с последними хвостами. Жуть как не хотелось, но надо. Потом упаковать вещи, сдать комнату – и домой. Или здесь присмотреть работу на лето? Комп надо бы обновить, да и из одежды кое-что приобрести не помешает. Родители, конечно, помогают. Но сколько можно сидеть на их шее? Если в течение учебного года я пользовался любой возможностью временно поработать, то потратить с пользой лето сам Бог велел.

Нет, не хочу здесь оставаться, лучше домой. Руки при мне, голова тоже, летом и дома найдется, чем заняться. Городок наш невелик, но было бы желание... Правда, здесь с работой лучше – выбор больше, да и платят побогаче. Эх, если бы не Юлька! Разберусь с хвостами, там будет видно.

Минуло пять дней с момента нашего разговора с Сашкой, как на мою электронную почту неожиданно пришло письмо. Я взглянул на адрес и с недоумением пожал плечами. Адрес был тот самый, на который я отправлял заявку на встречу с тарси. В письме меня просили подтвердить возможность принять курьера по указанному мною адресу сегодня в семнадцать часов. А если мне это будет неудобно, то назначить другое время.

Сегодня в семнадцать было ничуть не хуже любого другого времени, о чем я и сообщил в ответ.

Без одной минуты пять в дверь нашей комнаты раздался стук, и невысокий худощавый парнишка поинтересовался:

– Могу я видеть Павла Николаевича Скоробогатова?

– Можешь, – кивнул я в ответ.

– Примите, пожалуйста, пропуск и распишитесь в получении.

Я молча взял небольшой пластиковый прямоугольник, на котором было голографическое изображение эмблемы тарси, дата (завтра) и время – десять утра.

– Что это?

– Вы заказывали пропуск в представительство тарси?

– Да, но я не думал, что получу его так быстро.

– Я простой курьер, – парнишка пожал плечами. – Если вас не устраивает время, отправьте письмо по известному вам адресу, и вам назначат другое.

Ага, где-нибудь годика через три. Не захотел воспользоваться возможностью, жди своей очереди повторно.

Парнишка попрощался и побежал вниз по лестнице, через минуту на улице застрекотал скутер.

«Идти? Не идти? Вроде бы сам напрашивался. Со временем неудачно получилось. В половине десятого у меня встреча с Альбиной Семеновной. Причем я сам просил порекомендовать мне на лето программу по техническому английскому. И отменить не удастся, Альбина Семеновна предупреждала, что будет на даче, а там связи нет. Что ж, если я не могу отменить одну встречу, то вполне могу перенести другую. Будь что будет».

Не в том я был настроении, чтобы нарушать данное пожилой женщине обещание, даже ради того, чтобы полюбоваться вблизи на серых. Вот что у них за порядки? Сначала курьера посылают, а потом спрашивают, устраивает ли меня указанное на пропуске время!

Я подвинул к себе клавиатуру компа и набросал письмо: «Назначенное вами время не подходит. Не могу быть у вас раньше одиннадцати».

Пусть теперь думают, какого числа в каком году снова прислать курьера.

Через пять минут тренькнуло уведомление о пришедшем ответе.

«Время посещения изменено». И все. Если так быстро изменили время, то могли бы и меня поставить в известность о новом времени. Но об этом ни слова. Изменили, и все тут. На когда? Когда они изволят меня принять. Через месяц? Через год? На следующей неделе?

Я покрутил в руках пластиковый квадрат пропуска, взглянул на цифры: число прежнее, время – одиннадцать двадцать.

Не может такого быть. Совершенно точно помню, на пропуске значилось десять утра, а сейчас – одиннадцать двадцать. Чудеса. Чудеса? Или технология более продвинутая, чем на Земле.

Чему я удивляюсь? Да они в этот пластиковый квадрат могли такого напихать... Возможно, он на нескольких языках разговаривать может, а я удивляюсь изменившимся цифрам.

Что ж, если есть такая возможность, почему бы и не посетить серых предсказателей. Решено, завтра в одиннадцать двадцать.

На одной из улиц, прилегающих к представительству серых, собрался небольшой митинг. Человек тридцать размахивали плакатами и дружно скандировали: «Нас не купишь за лекарства».

«Интересно, изменится ли их мнение, если они заболеют?» – подумал я мимоходом, проходя мимо.

Полицейский кордон перекрывал подход к представительству, не допуская митингующих слишком близко, но прохожих никто не задерживал.

Сразу за дверью оказалась проходная, где строгий вахтер смерил меня оценивающим взглядом и потребовал паспорт. Переписав все данные, он предложил мне пройти дальше. Дальше тоже была проходная, но уже проходная тарси. На двери был выгравирован квадрат, под которым было написано: «Приложите пропуск».

Я приложил присланный мне с курьером пластиковый прямоугольник, через секунду буквы на поверхности двери пришли в движение. Я удивленно дотронулся до поверхности: обыкновенная дверь, никакого экрана. Тем не менее буквы сложились в новое предложение: «Назначенное вам время наступит через четыре минуты. Войдите и подождите в приемной».

Что-то мелодично тренькнуло, и дверь распахнулась. Я посмотрел на ряд кресел, стоящих у стены, и молча занял крайнее.

Тарси, сидевший от меня метрах в пяти, что-то передвигал на столе, я внимательно наблюдал за его действиями. Впрочем, меня интересовали не его манипуляции, а он сам. Кто не видел тарси по телевизору или в Сети? Невысокие, худощавые, с серым лицом треугольной формы, большими глазами и острыми ушами. Но на экране – это одно, а так вот, лицом к лицу.

Тарси поднял взгляд и несколько секунд внимательно меня рассматривал, я ответил ему тем же. Может, у них не принято начинать разговор раньше назначенного времени? Наконец последние секунды, оставшиеся до назначенного срока, миновали, и серый заговорил:

– Приветствую вас, человек. Ваше имя Павел Николаевич Скоробогатов?

– Да, это я.

– Очень приятно. – Голос был ровный, я бы сказал – с тщательно выверенной интонацией. – Какова причина вашего визита?

– Я хотел бы поговорить.

– Не могли бы вы уточнить, о чем именно пойдет речь? Вы желаете обратиться с просьбой или узнать свое предназначение?

– Нет.

Похоже, серый был удивлен.

– Вы представляете какую-то организацию и выражаете ее интересы? В таком случае вам стоило записаться на прием, как общественному деятелю. Если хотите, я внесу исправления в ваш пропуск.

- Нет. Я никого не представляю, кроме себя самого.
- Тогда чего же вы хотите?
- Поговорить, как я и указал в вашей анкете.
- О чем поговорить?
- О тарси.
- Ваша работа связана с развитием общественных связей?
- Нет.

Тарси вздохнул почти как человек. Мне на секунду показалось, что сейчас он разведет руками и скажет: «Тогда ничем не могу вам помочь». Но этого не произошло. Серый оживился, похоже, он нашел нужное решение:

- Пройдите в комнату четырнадцать, там вас встретят.

Жест четырехпалой руки продемонстрировал мне, где следует искать означенную комнату.

Я прошел по коридору, миновал ряд дверей с номерами от единицы до двенадцати и надписями на двух языках. Двери с номером «четырнадцать» в этом ряду не было. Пришлось завернуть за угол, чтобы обнаружить еще две двери. На них не было никаких надписей, лишь номера «13» и «14».

На стук никто не отозвался, и я толкнул названную мне дверь.

– Проходите, любезный гость, я сейчас же вас приму, – слышалось из-за двери, и я с удивлением увидел тарси, который пытается навести порядок на своем рабочем столе, собирая ворох пластиковых листов и складывая их в ящик.

Это настолько не вязалось с пунктуальностью секретаря, отсчитывающего секунды, чтобы со мной поздороваться, что я растерялся и замешкался на пороге.

- Извините, если я вам помешал.
- Нет-нет, сейчас все будет в порядке!

Тарси выбежал из-за стола, подхватил кресло, которое стояло у стены, и потащил его ближе к своему рабочему месту. Небольшие стулья, предназначенные для его сородичей, были отставлены в сторону, я с удивлением понял, что к приему людей в этом кабинете не готовились.

- Вот, можете садиться, я вас внимательно слушаю.

Тарси быстро обошел вокруг стола и занял свое место, я сел в предложенное мне кресло.

Я растерялся. Этот тарси настолько не вязался с составленным мною образом, что все заготовленные заранее слова показались мне неуместными.

Зачем я сюда шел? Убедиться в злонамеренности серых? А если и не в злонамеренности, то в надменности, чувстве превосходства. Ничего этого не было и не могло быть. По крайней мере, у того тарси, который сидел напротив меня. Живое лицо, любопытный взгляд, его суэта с пластиковыми листами и креслом для меня – такое просто невозможно сыграть. Да и зачем ему притворяться? Он здесь хозяин, я гость. Если и не проситель, то и не тот, кто может что-то предложить.

Я молчал, мне неловко было сказать о своих подозрениях, пусть и облеченных в завуалированную форму. Тарси тоже молчал и рассматривал меня с выражением искреннего любопытства.

- Да, можете называть меня Лоау, – скороговоркой произнес он и опять замолчал.

Так мы помолчали еще пару минут.

- Пойду я, пожалуй, извините, что отвлек от дел, – наконец смог я выдать.

– Как пойдете? А поговорить? – искренне огорчился тарси. – О чем вы хотели поговорить?

- Я хотел поговорить о тарси. Мне было интересно, зачем вы здесь.

- Вы недовольны тем, что мы делаем? – искренне огорчился Лоау.

– Как я могу? После того как вы помогли десяткам тысяч больных...

– Тогда в чем же дело?

– Мне непонятно, кто дал вам право определять предназначение. С чего вы решили, что можете определять, кому и на каком месте положено быть? Прошу простить, если слишком бесцеремонен.

– А кто дал вам право определять, что вот этот человек высокий, а этот толстый? – отозвался Лоау.

– Но я просто констатирую факт.

– И с предназначением все то же самое. Мы просто констатируем факт. Причем каждый может согласиться с нами или не соглашаться. И это не раз и навсегда определенное место. Это лишь то направление, в котором человек может достигнуть наибольших высот.

– Но почему вы отвечаете не всем, кто приходит узнать о своем предназначении?

– Я не знаю, – серый рассеянно улыбнулся. – Определить предназначение можно не всегда. Бывает неясно. То ли у человека нет стремлений, то ли несколько устремлений равновелики. Не всегда получается сказать со всей определенностью, каково предназначение.

– А тарси? У вас есть предназначение?

– Конечно, я бы очень огорчился, если бы было иначе. Для тарси настоящая трагедия – не иметь предназначения. Вот вы не хотите узнать, каково ваше предназначение?

– Заманчиво, но нет. Не хочу, чтобы мою судьбу кто-то определял за меня.

– Я еще раз повторяю, никто вас не собирается подталкивать к тому или иному решению. Что плохого в том, чтоб знать, в чем именно вы сможете добиться наибольших успехов.

– Честно говоря, вы меня озадачили.

– А вы меня заинтересовали. Давайте сделаем так: я определяю, есть ли у вас предназначение, а после вы скажете, хотите ли вы о нем знать.

– А что для этого потребуется?

– Сущий пустяк. В основном ваше согласие, а приборы я сейчас принесу. Вы не слишком спешите?

– У меня есть время. Надеюсь, это не затянется надолго.

– Не более полчаса. Одну минутку.

Тарси выбежал из-за стола, но тут же вернулся, порылся в ящике и достал глянцевого журнала. От удивления я чуть не поперхнулся. Я подумал, что Лоау собрался его читать, но журнал предназначался мне.

– Вот, это чтобы вам не было скучно, я вернусь буквально через пару минут.

Я подивился чистоте произношения и беглости речи серого и проводил его взглядом. Лоау выбежал из комнаты, похоже, он все делает бегом, при его невысоком росте это выглядит немного потешно.

Я механически перевернул несколько листов с изображениями популярных актеров и последних моделей машин. Чего я там не видел? Журналы я могу и дома посмотреть, тарси гораздо интереснее.

Мой новый знакомый не задержался. Вскоре он появился в кабинете с ворохом каких-то панелей и принялся развешивать их на стены, временами сверяясь с моим местоположением.

Это у них датчики такие? Оригинально, если бы я не видел, как серый их развешивает, никогда бы не догадался об их предназначении.

– Выпросил у техников запасной комплект, – пояснил Лоау.

Это прозвучало так по-человечески, что я невольно улыбнулся.

– А теперь мы можем поговорить. – Тарси устроился на своем месте и пробарабанил длинными пальцами по столу.

– О чем?

– Да о чем угодно. Двум разумным всегда найдется о чем поговорить.

Какой-то странный прием. Почему я попал именно в этот кабинет? Судя по всему, здесь не ожидали посетителей. Об этом я и спросил:

– Господин Лоау, скажите, а почему меня направили именно к вам? Насколько я понял, вы не ведете постоянного приема.

– Зовите меня просто Лоау, «господин» говорить совсем не обязательно. Вы правы, Павел Николаевич, я не веду постоянного приема.

Я смутился.

– Если можно, просто Павел.

– Охотно. Я не веду постоянного приема, Павел, но и вопрос, с которым вы пришли, возникает нечасто. Чаще всего люди приходят поговорить о себе. Или что-то просят, или хотят узнать ответы на интересующие их вопросы. Бывает, что-то хотят узнать о нас, но, как правило, по долгу службы. Да и вопросы эти в основном технического плана. Ваш же интерес несколько другого рода. Вы искренне хотели поговорить о нас.

– Как вы могли это определить?

– На первоначальном приеме у нас работает хороший психолог, он научился разбираться в мотивах, которые приводят сюда посетителей.

Вот как? Оказывается, тот пунктуальный сухарь из приемной смог за пару минут составить мой поверхностный психологический портрет! Ну, характер-то мой, допустим, вы изучить не успели, слишком это сложная штука – характер. Определили искренность намерений? Вот это возможно. Но даже это говорит о высокой квалификации их специалиста.

– Лоау, вы так и не ответили. Зачем все это? – я обвел рукой помещение. – Зачем это тарси?

– Позвольте не отвечать на ваш вопрос, – попросил серый.

– Но почему? У нас говорят, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Сыр я вижу, все видят сыр. Но где же мышеловка?

«Ответит или нет? Не слишком ли я невежлив? За такую назойливость запросто могут выставить за дверь. А впрочем, посмотрим, как он выкрутится».

Не слишком удобные вопросы я старался задавать как можно более любезным тоном, пытаясь хотя бы так скрасить неловкость.

– Мышеловка? О чем вы? Люди – не мыши, да и нам нет надобности вас ловить. Какая же здесь может быть мышеловка?

– Извините, наверное, я погорячился.

– Нет-нет, прошу, продолжайте. Мне интересно ваше мнение по этому вопросу.

«Ну что ж, раз интересно, могу и продолжить».

– Например, бытует мнение, что вы хотите поработить всех людей и захватить Землю.

– Да зачем же? – всплеснул руками тарси. – Поработить людей? Глупость несусветная, вы живете представлениями каменного века. Роботы гораздо лучше справляются с задачей, чем рабы.

– Я не говорил, что разделяю такую точку зрения, лишь отметил, что подобное мнение бытует.

– Любопытно. А что еще говорят?

– Да вы, наверное, знаете об этом не хуже меня.

– Знать и слышать – это разные вещи.

– Например, говорят, что тарси интересуют природные ресурсы Земли.

– Ресурсы, ресурсы, – проворчал серый. – Если хотите знать, на других планетах Солнечной системы ресурсов гораздо больше и, заметьте, ни с кем не надо договариваться. Планета с биосферой – вот наибольшая ценность, но, поверьте мне, не настолько, чтобы мы на нее зарились.

– Согласен, перечисленные мною причины несколько надуманны. Но если дело не в них, то тогда в чем?

– Опять вы подошли к тому же самому вопросу, – улыбнулся тарси. – Я не дам вам ответа.

– Но почему?

– Слова – всего лишь слова. Не хочу, чтобы у вас был повод усомниться в моем ответе. «Это точно – если ответа нет, то в нем трудно усомниться».

Тарси все внимательнее поглядывал на висящую над столом плоскую пластину, которая играла роль монитора.

– Любопытно! Очень любопытно! Первый раз я вижу такую картину. Вы только посмотрите!

Лоау развернул монитор ко мне и быстро обежал вокруг стола. Признаться, графики и диаграммы мне совсем ни о чем не говорили. Что такого любопытного нашел в них серый?

– Поразительно! Просто поразительно! – Тарси двинул кистью руки, и диаграммы на экране пришли в движение, выстраиваясь в другом порядке. – Я сейчас вернусь!

Лоау опять куда-то убежал, наверное, мне достался самый странный тарси на свете. Думал я так недолго, поскольку серый вернулся не один, с ним прибежали еще двое. Они втроем стали крутить монитор, что-то объясняя друг другу и отчаянно жестикулируя руками.

В запале серые перешли на свой родной язык, и я ничего не мог понять из их речи, кроме того, что они чем-то удивлены. Я было решил, что обо мне забыли, но два тарси направились к двери, продолжая на ходу что-то оживленно обсуждать, Лоау же обернулся ко мне.

– Извините, мы с коллегами несколько увлеклись. Итак, хотите ли вы знать о вашем предназначении?

Серый смотрел так выжидающе, что я просто не мог ответить иначе:

– Нет.

– Как «нет»?! – Тарси подпрыгнул на стуле. Похоже, такого ответа он никак не ожидал.

– Мало ли что там определил ваш прибор.

Не думайте, что мне было совсем неинтересно. Отчего-то тарси всполошились. Быть может, их прибор и в самом деле выдал что-то редкое. Почему я отказался это услышать? Не знаю. Мне показалось, что я попаду в зависимость от этого ответа. Нельзя не думать о том, что знаешь, вольно или невольно мысли будут возвращаться к предмету осмысления. Не думать можно только о том, чего не знаешь. Слишком сложно? Можно упростить до одной фразы: «Меньше знаешь – крепче спишь».

Тарси выскочил из-за стола и стал туда-сюда бегать по комнате, заложив руки за спину. Смотрелось это удивительно потешно. Наконец он остановился:

– Мне понятна причина вашего отказа, – произнес серый печально.

«Да неужели? Мне самому она не слишком понятна».

– И в чем же эта причина?

– Вы хотите услышать?

– Да.

– В недавно перенесенном большом разочаровании, от которого вы еще не оправились.

Метко попал в цель, зараза. Я невольно вздрогнул, никак не ожидал подобного от серых.

– Я могу вам помочь, – предложил Лоау.

– Как же? Запретите чувствовать?

– Нет, этого я запретить не могу и не хочу. У меня есть для вас другое лекарство. – Я поморщился при последнем слове, но продолжение было неожиданным. – Я хочу предложить вам работу.

– Работу?

– Да-да, работу.

Подобного я никак не ожидал. Работа была бы для меня как нельзя кстати, но работать на тарси... При всей кажущейся привлекательности это предложение таило в себе много неизвестных. Они так и не сказали мне о целях, которые преследуют. А ввязываться в предприятие с неизвестными целями – это авантюра.

– И оплату, наверное, неплохую предложите?

– Оплата будет, – подтвердил тарси. – Вам лишь стоит определиться с тем, что вы желаете получить в качестве оплаты.

– У нас принято платить за работу деньги.

– Монеты? Нет ничего проще. Определитесь с тем, каких денег и сколько вы хотите получить. Рубли? Доллары? Евро? Фунты стерлингов? Юани? Наличными или в виде банковского счета?

– Вы предлагаете мне самому назначить себе зарплату?

– Да.

Это «да» прозвучало как само собой разумеющееся.

– А если, скажем, я захочу миллион?

– Миллион чего? – уточнил тарси. – Как желаете получить?

Я подумал, что меня разыгрывают, но серый был абсолютно серьезен.

– Нет-нет, погодите, мы еще ни о чем не договорились. Я просто хотел уточнить. Вам что, деньги некуда девать?

– Вот видите, вы и сами догадались, – улыбнувшись, кивнул тарси. – Мы действительно не знаем, куда деть ваши деньги.

Мои глаза округлились, я представил себе всю абсурдность данной ситуации.

– Как такое может быть?

– Так получилось, – Лоау развел руками. – Фармацевтические компании Земли перечисляют нам проценты от продажи лекарств, произведенных по нашим технологиям. Мы их об этом не просили. Вначале мы вообще предлагали Земле медицинские технологии бесплатно, но получили такое мощное противодействие, что вынуждены были отказаться от такого подхода. Почему-то нас обвинили во всех смертных грехах. Даже в том, что мы хотим погубить медицину и истребить вредными препаратами все население Земли. Мне очень сложно понять людей: то, что отказывались брать даром, охотно стали покупать за деньги.

– Хотите сказать, что эти деньги вам не нужны?

– Мы тратим лишь малую их часть. Остальные потратить просто не на что. Нам не нужны в таком количестве товары, которые производятся на Земле.

«А вот в это я вполне могу поверить, разница в технологическом уровне колоссальна. Что мы могли бы попросить в обмен от цивилизации, находящейся на уровне пятнадцатого века? Медные котлы? Зачем они, если все давно готовят в микроволновках? Даже сырье брать невыгодно. Один добывающий комбайн накопает руды больше, чем все рудокопы пятнадцатого века, вместе взятые. Некоторый интерес могли бы представлять предметы искусства, но Лоау прав – это не те расходы, которые могут покрыть массовые поставки».

– Так раздали бы эти деньги людям, была бы какая-то польза.

– Не было бы никакой пользы, – заверил тарси. – Раздача незаработанных денег лишь обесценила бы их, и все осталось бы по-прежнему.

– Тогда перевели бы их детским домам.

– Какому именно детскому дому? Сколько следует перевести? – уточнил серый.

– Не знаю. Я это так, для примера. А вы перевели бы?

– Мы рассмотрели бы экономические и социальные последствия этого шага.

Вот как? Серый прав, любое дело надо сначала взвесить, даже то, которое кажется благим. Я втянулся не в свое дело – даю советы, как лучше потратить деньги. Речь-то шла совсем о другом.

– Так вы обдумали предложение? – напомнил тарси. – Если согласны, то можем обсудить подробности.

– Что вы, когда бы я успел все обдумать?

Предложение такое, что с ходу и не решишь.

– Не буду вас торопить. О своем решении можете сообщить в любое удобное время. Сохраните пропуск, он может вам пригодиться. Пришлите письмо на известный вам адрес, и мы назначим время для встречи.

Я покинул представительство тарси с еще большими сомнениями, чем до прихода сюда. Зачем, интересно, я им понадобился? Как технический специалист я вряд ли представляю для них интерес. Раскрывать подробности Лоау не стал, намекнул лишь на то, что дело опасное, но нужное. Все подробности он обещал рассказать, если я дам предварительное согласие. Не то чтобы серый что-то скрывал, просто считал преждевременным говорить о работе, пока с моей стороны не проявлен к их предложению достаточный интерес.

А у меня интереса к авантюрам в данный момент не было совершенно. Да, мне надо было найти работу, но желательно спокойную. И потому я вернулся в общагу и принялся собирать вещи, решив все-таки поехать домой.

– Пельмени будешь? – поинтересовался Сашка.

– Давай, – согласился я.

Пельмени – самая студенческая еда: два в одном и готовятся быстро.

Я подумал, не рассказать ли мне Саньку про свой поход к тарси, но настроение совсем не располагало к разговорам. А поход у меня получился необычный. Поверит ли Сашка, если расскажу? Судя по тому, что он мне рассказывал, его беда со вторым тарси была схожа с моим общением с первым: строго, пунктуально до секунды и малейшей запятой. Педанты они. Насколько я успел узнать, именно такое мнение складывалось у большинства посетителей. То, что я увидел, было совсем иным. Не знаю, чем я заслужил такое доверие, но, похоже, что я смог заглянуть за фасад. Заглянуть и увидеть, что тарси живые. Порой настолько живые, что диву даешься.

На следующий день мы разъехались по домам.

Пригородный поезд стучал колесами на стыках, не мешая мне размышлять. Через три часа я был дома: ступил на перрон и почувствовал весенний ветер, полный запахов зелени.

Автобус за пятнадцать минут доставил меня до знакомой с детства улицы, а еще через пять минут я входил во двор, где знал все до последнего гвоздя на старой беседке, о который в десять лет я ободрал себе ногу. Дом остается домом, каким бы он ни был, в него всегда приятно возвращаться. Дом – это место, где оживают воспоминания. Даже тоска стала не такой острой. Я толкнул знакомую дверь и не услышал привычного шума.

Отец был неожиданно хмур, давно я не видел его таким угрюмым, обычно они с мамой сыплют шутками, слегка подначивая друг друга. Иногда мне кажется, что они навсегда остались молодыми.

– Мать в больнице, вчера увезли на «Скорой», – огорошил меня с порога отец.

Как же так, всегда веселая и подвижная? Я с трудом мог себе представить маму на больничной койке. Вселенная перевернулась.

– Что с ней? – только и смог вымолвить я.

– Сердце. Врачи говорят, ситуация очень сложная. Требуется операция, а у нас такие не делают.

– Так почему ж ее не отправят в область?

– Там тоже не берутся. Нужна специализированная клиника, а там очередь на годы вперед. Сейчас наши врачи пытаются получить квоту, но результат пока неизвестен.

– А платные клиники?

Отец вздохнул, понятно было и без слов – лечение в платных клиниках слишком дорого. А я, дурак, совсем недавно так беспечно рассуждал о миллионах. Даже не выслушал как следует предложение тарси. Но не поздно сделать это сейчас.

– Хорошо, что я приехал. Кстати, я ненадолго. Мне обещали хорошую работу, думаю, деньги нам понадобятся.

Отец взглянул мне прямо в лицо:

– Пообещай мне одну вещь.

– Какую?

– Пообещай, что ты не свяжешься ни с чем недостойным. Мать бы не одобрила.

В этом весь отец. И мать такая же. Впрочем, именно это придает им силы и уверенность в жизни, даже сейчас, когда ситуация так непростая.

– Обещаю.

«Может, я и не соглашусь на предложение тарси, но поподробнее расспросить об их предложении мне ничто не мешает».

Мы с отцом навестили мать в больнице, и в тот же вечер я уехал обратно. Перед отъездом я направил письмо по известному мне адресу, на всякий случай приписав, «для Лоау». В письме я сообщил, что буду ожидать приема начиная со следующего дня. С волнением я ждал ответа на письмо, но его не было. Зато минут через двадцать ключ-пропуск претерпел изрядные изменения: сначала на нем вспыхнул логотип, затем засветилась надпись. Число (завтра). На месте, где раньше был обозначен час, появилась надпись «В любое удобное время».

Неурочное возвращение в свою комнату стоило мне обещания купить ведро краски для ремонта общежития, на этом вопрос с ночлегом был урегулирован. Утром я направился навстречу новой жизни.

Глава 3

Строгий вахтер на входе в представительство подозрительно долго листал мой паспорт, но ничего не сказал, лишь буркнул: «Проходите».

Приложив прямоугольник пропуска к знакомой двери, я подождал чуть дольше, чем обычно. Через пару минут на поверхности двери появились буквы и пришли в движение. Интересно, почему надпись не появляется в готовом виде? Сначала возникают разрозненные буквы, которые начинают ползти и занимают предназначенное для них место.

Буквы поползали секунд пять и сложились в надпись: «Проходите. Вас будут рады принять в комнате «14» через три минуты». Тренькнула мелодия, и дверь распахнулась.

В приемной секретарь беседовал с немолодой полной женщиной. Я кивнул им и прошел мимо. Тарси степенно кивнул головой в ответ, полная дама проводила меня удивленным взглядом.

Пожалуй, не стоит входить раньше, чем назначено. Я остановился около двери номер 14, гадая, прошло ли уже три минуты. Неожиданно дверь приоткрылась, и из-за нее вынырнула голова тарси. Это произошло так быстро, что я чуть не отпрянул в сторону.

На секунду серый замер, осматривая меня удивленным взглядом, затем дверь распахнулась полностью, тарси быстро пробежал разделявший нас метр, обхватил мою руку своими сухими длинными пальцами и энергично ее потряс.

– Рад, Павел, что вы нашли время, чтобы вновь навестить нас. Проходите-проходите. Вы решили принять наше предложение?

– Почти. Для начала я хотел бы уточнить некоторые моменты.

– Понимаю, вас смущает возможная опасность.

– И это тоже, но в первую очередь меня смущает другое. Не будет ли моя работа прямо или косвенно направлена во вред Земле?

– Ни в коем случае, – Лоау взмахнул руками. – Это никоим образом не затронет интересы Земли. Когда я расскажу вам все подробности, у вас не останется в этом никаких сомнений.

– Думаете?

– Да. Дело в том, что работать вам предстоит не на Земле.

Я от удивления замер, не зная, как реагировать на такое заявление. А в этот самый момент история получила еще один аспект, только я об этом пока не знал.

...По защищенной проводной линии с компьютера, находящегося на проходной этого учреждения, было отправлено сообщение, напрямую относящееся ко мне:

«Росту от Клена.

Обращаю ваше внимание на повторное посещение объекта «Сад» гражданином Скоробогатовым Павлом Николаевичем. Данный гражданин взят на заметку, ему присвоен позывной «Студент», данные прилагаются. Время посещений прилагается. Во время повторного посещения «Студентом» объекта «Сад» на его имя был выписан пропуск без указания точного времени визита.

Выдача не привязанного ко времени пропуска является фактом исключительным. Жду ваших указаний.

Клен».

Об исключительности подобного факта можно было и не писать, но агент не удержался и обратил на это внимание. Не прошло и пяти минут, как им был получен ответ:

«Клену от Роста.

Никаких действий в отношении объекта «Студент» не предпринимать. Обо всех передвижениях объекта в вашем поле зрения сообщать незамедлительно.

Рост».

– Как так не на Земле? – наконец смог выговорить я.

– Что вас удивляет? – спросил Лоау. – Надеюсь, вы не считаете Землю единственной населенной планетой в нашей Галактике?

– Не считаю. Судя по тому, что я имею счастье беседовать с вами, их, как минимум, две.

– Поверьте, гораздо больше. Жизнь – довольно редкая штука, но вселенная настолько необозрима... Нам известны десятки населенных планет.

– И кем они населены?

– Расы разнообразны как по внешнему виду, так и по уровню развития. Кстати, есть немало рас, внешне весьма схожих с людьми.

– В самом деле? Где-то там, далеко, – я поднял глаза вверх, – живут люди? Какие они? Они достигли больших высот, чем мы?

– В основном это цивилизации, менее развитые. Наша Галактика слишком молода, немногие успели достигнуть уровня Земли, тех же, кто в той или иной мере преуспел в покорении межзвездных пространств, вообще можно пересчитать по пальцам.

Услышанное заворачивало. Я и раньше предполагал, что подобное возможно, но «предполагать» и «услышать» от того, кто это знает, большая разница.

– И чего же вы ждете от меня?

– Помощи. Одна из цивилизаций нас беспокоит. У них наметился поворот в очень неприятном направлении.

– Неприятном для кого?

– Для них, конечно. Цивилизация еще очень далека от космического уровня. А если все пойдет так, как намечается, она до этого уровня может просто не дотянуть. А если и дотянет, то будут впустую потрачены сотни лет на путь, ведущий в тупик и на выход из него. Сейчас деструктивный процесс только начал набирать обороты, его еще можно остановить без масштабных потрясений. Дальше будет труднее.

– Замечательно. Почему же вы ничего не предпримете?

– Как раз этим мы сейчас и занимаемся. Мы предлагаем эту работу вам.

– То есть?

– Мы предлагаем вам отправиться на место и решить проблему.

Они что, с ума здесь посходили? Предлагают мне поступить на работу, ни больше ни меньше, чем галактическим спасателем!

– Как вы себе это представляете? – удивленно спросил я.

– Не знаю, – тарси взмахнул руками. – Мы предоставим в ваше распоряжение всю имеющуюся у нас информацию, но окончательное решение придется принимать на месте. Подумайте. Дело сложное, возможно, опасное. Но чем не достойная задача для мыслящего существа?

– Почему вы не займетесь решением этой задачи самостоятельно? Ну, то есть не вы лично...

– Я вас понял. Прямые контакты с недостаточно развитой цивилизацией вредны. Мы не можем так же открыто высадиться на ту планету, как сделали это на Землю. Возможны неприятные последствия – от полного отторжения до обожествления. И то, и другое вредно сказывается на развитии цивилизации. Земля имеет минимально достаточный уровень, чтобы открыто

вести дела с цивилизацией иного плана. Меньше нельзя, имеются отрицательные примеры. Ранние цивилизации слишком склонны к максимализму. Если захотите, то можете познакомиться со статистикой.

Я кивнул: примут спустившихся с неба всемогущих, по их масштабам, существ за богов, такое вполне возможно. Понятно и то, почему тарси считают это вредным: местное население может возложить на спустившихся с неба пришельцев неоправданно высокие ожидания. Следующий вывод напрашивается – зачем что-то делать самим, когда есть кто-то всемогущий, который может дать все разом? Тарси не стали бы развитыми, если бы сидели и ожидали подачки. Это не говоря уже о варианте неприятия пришельцев, тогда тем более ничего хорошего не получится. А вот что получится из идеи тарси привлечь к этой работе меня?

– Не знаю, смогу ли я. Почему вы предложили это именно мне? Я не историк, я не профессиональный боец. Занимаюсь спортом, но уровень скорее можно назвать любительским. Я не политик и не дипломат, не знаю, как нужно улаживать конфликты и разрешать сложные ситуации.

Тарси кивал, со всем этим соглашаясь, но ответ его был парадоксален:

– Есть причины. Вы отлично подходите для такого задания. Вот, – Лоау развернул ко мне монитор, обежал вокруг стола и остановился рядом со мной, – вы только посмотрите! Здесь рост налицо! А здесь зеленый явно доминирует над желтым!

Тарси показывал мне диаграммы и графики, расхваливая их параметры. Что растет и что доминирует, мне было совершенно непонятно. Нет, то, что зеленый выше, чем желтый – это понятно. Но почему из этого следует, что я подхожу для этой работы? Оставалось лишь поверить серому на слово.

– Хорошо, допустим, вы меня убедили. Но как мне быть с обучением? Я, вообще-то, предполагал, что это будет временная работа на лето.

– Все зависит только от вас. Десять дней подготовки, два дня на то, чтобы добраться до места, а там – как сумеете управиться. Если проблема решится до осени, я буду только рад.

– А если не решится?

– На ваше усмотрение. В таких серьезных вопросах без личной инициативы никак. Если вы посчитаете, что проблема нерешаема, никто не станет с вами спорить, на этом миссия будет окончена. Или можете вернуться к решению этой задачи через год, после завершения обучения.

Вот так нашел подработку на лето: отправиться на другой конец Галактики, решить проблемы местной цивилизации и вернуться обратно.

– А вы меня не разыгрываете?

– Розыгрыш? Шутка? Нет-нет, что вы! Наше предложение абсолютно серьезно. В качестве доказательства мы можем вам выплатить аванс прямо сейчас, как я уже говорил, в средствах мы не стеснены.

Знал бы он, как мне необходим этот самый аванс. Согласиться, что ли? Тем более что с меня не требуют непременно решения проблемы. Пусть отправляют хоть за тридевять земель, до осени как-нибудь продержусь, а там – не моя вина, если миссия останется невыполненной. Сами такого кандидата выбрали.

– Кстати, об авансе, нельзя ли его перевести побыстрее.

– Какая сумма вас устроит? – оживился Лоау.

– Достаточная для оплаты операции в специализированной клинике.

– У вас проблемы со здоровьем? Наша аппаратура ничего подобного не выявила.

– Проблемы не у меня, а у близкого мне человека.

– Что же вы сразу не сказали? Излишнее волнение сотрудников никак не входит в наши планы. Диктуйте адрес и данные человека, который нуждается в помощи, об остальном можете не беспокоиться. Лучшие клиники Земли будут рады оказать нам небольшую услугу только за

то, чтобы их включили в первоочередной план работы с новыми препаратами. Вопросы оплаты пусть вас не беспокоят.

Я назвал номер больницы и данные мамы. Надеюсь, ей помогут.

Длинные пальцы тарси быстро забегали по экрану.

– Я разослал запрос, посмотрим, кто откликнется первым.

Мы подождали несколько минут.

– Ага, есть! – оживился Лоау. – Берлин готов принять пациентку. Московская специализированная клиника сообщает, что готова выслать вертолет немедленно. Нью-Йорк просит оставаться на линии, у них ночь, им требуется время, чтобы разбудить главного врача. Пекин готов выслать медицинский самолет в течение десяти минут. Клиника Сиднея может принять пациентку в любое время.

От удивления я почти онемел. Можно было предположить, что серые имеют влияние, но чтобы насколько... За несколько минут, мимоходом, Лоау привел в действие такие рычаги, что оставалось только диву даваться.

На минуту мне стало страшно, я понял, что недооценил тот вес, который серые имеют на Земле. Очень сильно недооценил.

– Какую клинику выбираете? – поинтересовался тарси.

– Я не знаю.

– Уровень обеспечения у них примерно одинаков, мы следим за тем, чтобы соблюдался баланс. Квалификация врачей во всех этих клиниках тоже высока.

– Тогда пусть будет Москва. Медицинский вертолет доберется до места быстрее всего.

– Хорошо, – серый пробарабанил пальцами по экрану. – Я отправил подтверждение. Теперь поговорим о вас. Итак, речь шла об авансе.

– Вообще-то я думал, что оплата клиники и будет авансом.

Тарси протестующе замахал руками.

– С нашей стороны это было бы некрасиво. Медицинская помощь не может считаться оплатой за работу. Итак, миллиона будет достаточно? Сейчас мы откроем счет на ваше имя, и вы сможете получить деньги в ближайшем банке.

Лоау с полминуты поработал со своим коммуникатором и объявил:

– Готово. Вам требуется лишь предъявить в банке паспорт – и миллион рублей в вашем распоряжении. Если вам потребуется большая сумма, дайте об этом знать.

Миллион рублей – это, конечно, не миллион евро, но сумма для студента огромная. При самых оптимистических результатах я мог заработать за лето не более десятой части этой суммы. А, по словам Лоау – это всего лишь аванс. Эх, чувствую, придется мне попотеть за эти деньги так, что мало не покажется. Но отказываться неловко. Не думаю, что серые развернут в воздухе медицинский вертолет, но и без того неловко. Да и когда еще выдастся такой шанс? Многие мечтали бы посмотреть на то, как живут люди на других планетах, а здесь за это мне еще и деньги платят.

«Покажите, где расписаться в ведомости. Интересно, как тарси принимают на работу? Надо писать заявление?»

– С какого момента считать себя принятым?

– Как будете готовы, так и приступим. Как только закончите все неотложные дела, приходите, начнем подготовку.

– И за десять дней вы собираетесь подготовить меня к работе на иной планете? Там наверняка местная специфика, язык и прочее.

– Думаю, справимся. Какие-то тонкости вам придется осваивать на месте, но основную подготовку мы проведем в указанные сроки.

Я с удивлением покачал головой, но спорить не стал. К чему спорить, если вскоре мне предстоит самому убедиться в состоятельности или абсурдности такого утверждения?

– Так я пойду?

– Конечно, идите. И будьте осторожны.

Я вскинул удивленный взгляд, не понимая, чем вызвано такое предложение, но Лоау не стал развивать эту тему.

– С этой минуты ваш пропуск станет постоянным, можете входить и выходить из представительства в любое время, – добавил серый.

Я попрощался и направился к выходу. Перемены были слишком поразительны, прежде всего требовалось их осмыслить.

«Росту от Клена.

Сообщаю вам об изменившемся статусе объекта «Студент». Пять минут назад на его имя был выдан постоянный пропуск на объект «Сад».

Клен».

Первым делом я отправился в банк. Хотелось удостовериться в том, что указанные деньги поступили на счет. Счет на мое имя действительно был открыт. Мне выдали расчетную карточку, но для ее активации требовалось время, воспользоваться лежащими на счете деньгами я мог лишь на следующий день. Эта проволочка никак не относилась к тарси и была вызвана банковскими правилами.

Что ж, до завтра не так много времени, зато есть возможность составить план предстоящих трат. Половину денег я сразу решил отослать родителям: сколько лет они мне помогали. Не пора ли и мне хоть что-то сделать для них? А вот как с наибольшей пользой распорядиться второй половиной?

Стыдно признаться, но я потратил какое-то время на обдумывание возможности поразить Юльку дорогим автомобилем. На «Порш» оставшейся половины, конечно, не хватит, но неновый «Мерседес» не самой последней модели можно было приобрести.

Хорошо, что карточка активировалась только на следующий день, иначе я и в самом деле мог заняться подобными глупостями в то самое время, как мне стоило подумать о делах, куда более важных.

Я позвонил отцу и узнал, что его срочно вызвали в больницу и сообщили, что маму прямо сегодня вертолетом отправляют в московскую клинику. Отец был взволнован, сказал, что собирается лететь вместе с мамой, и обещал сообщать мне обо всех изменениях. Это действительно было важно. Гораздо важнее планов моей маленькой мести отвергнувшей меня Юлии.

Я продвигался в направлении родного общежития, задумался и чуть было не столкнулся с черным «Вольво», неожиданно остановившимся прямо передо мной.

Стекло пассажирской двери поползло вниз. Взгляд пассажира этого авто был прямым и уверенным.

– Скоробогатов Павел Николаевич, не так ли?

Вопрос был нисколько не похож на вопрос, скорее на утверждение. Пассажир не сомневался в том, что я – это я.

– Хотелось бы с вами поговорить, – выдержав паузу, добавил уверенный.

Я оглянулся в призрачной надежде на то, что поговорить хотят с кем-то другим. Увы, другого Скоробогатова поблизости не было.

– О чем?

– Вы не беспокойтесь, это ненадолго.

Дверь распахнулась, и мне не оставалось ничего иного, как сесть в машину. Можно, конечно, было броситься наутек, но что-то подсказывало, что сейчас совсем не тот случай.

– Меня зовут Степан Сергеевич, – представился пассажир. – Вот мои документы.

Документы были солидными, впрочем, Степан Сергеевич мог бы их и не предъявлять, я и без того сразу ему поверил. Спокойный уверенный тон человека, который не сомневался в праве задавать вопросы и в то же время вел себя без малейшей фамильярности, очень показателен. Подобная манера разговора свидетельствует о том, что человек этот очень серьезен. Фамильярность обычно происходит от желания продемонстрировать собственное превосходство, этот человек в подобном попросту не нуждался. Обругай я его сейчас матом, он и бровью не поведет. Возможно, резко одернет, поставит на место, но не потому, что это его задело, а лишь по причине соблюдения должного статуса. Задеть такого человека сложно, ему не до таких мелочей. Зато, если будет такая необходимость, он так же без сомнений и сожалений отправит меня в Сибирь. Прошу заметить, ни в коем случае не из личных соображений.

– Я вас слушаю.

Машина тронулась с места, водитель за все время не произнес ни одного слова.

– Я мог бы вас пригласить к нам, но не хотелось терять время на подобную формальность. Прежде всего, Павел Николаевич, я хотел бы узнать, как вы относитесь к своей стране.

– Как я могу к ней относиться? Это моя страна, и этим все сказано.

– Поверьте, Павел Николаевич, не для всех.

Обращение по имени-отчеству заставило меня собраться.

– Про других не могу сказать. Я здесь живу и уезжать никуда не собираюсь.

– Похвально. Как каждый порядочный человек, вы должны быть заинтересованы в том, чтобы в нашей стране все было в порядке, не так ли?

Что можно ответить на такой вопрос? Разумеется, я не желал никаких беспорядков.

– В общем, да.

– А в частности? – вкрадчиво спросил Степан Сергеевич.

– Конечно, и в частности тоже, – заверил я.

– Тогда вы меня поймете. Надо ли говорить о том, что я представляю интересы государства?

– Только я не пойму, при чем здесь я? – мое удивление было искренним.

– Все так говорят: «При чем здесь я? Пусть о покое и безопасности страны позаботится кто-то другой, а я постою в сторонке».

– Я думаю, что каждый должен быть на своем месте. Хранить покой государства – работа очень нужная, – я постарался быть максимально вежливым, – но если все будут заниматься этим, то кто сделает другие дела?

– На своем месте – это хорошо. Кстати, что вам сказали тарси о вашем предназначении?

Последний вопрос был неожиданным.

– Тарси? При чем здесь тарси? – удивился я. – Миллионы людей посещают их представительства.

– Но очень немногие посещают их дважды.

– Так вот в чем дело! – догадался я.

– Вы должны понять меня правильно. Мы рады тем возможностям, которые дает сотрудничество с тарси. Но все ли так безоблачно? Что мы можем ожидать в дальнейшем от серых? Каковы их истинные планы?

– Думаете, они хотят захватить Землю? – улыбнулся я.

– Не говорите глупостей, Павел Николаевич, вам это не идет. Как человек, почти получивший высшее образование и преуспевающий в учебе, вы должны быть умнее. Черное – белое, захватить – не захватывать – это логика для голливудских боевиков. В жизни все сложнее.

– Извините, – покраснел я.

– Пустяки. Итак, что вы можете сказать о тарси?

– Почти ничего. Я не почувствовал, чтобы от них исходила угроза.

– А если подробнее? Зачем вы ходили в представительство?

– Поговорить.

– О чем поговорить?

– О жизни.

– Поговорили? Они определили ваше предназначение?

– Определили, но я не захотел о нем слышать.

– Почему? – уверенный приподнял бровь.

– Не хочу, чтобы это сказывалось на моем дальнейшем выборе.

– Вот как? Что ж, это ваше право. И что было потом?

Отпираться было бессмысленно.

– Они предложили мне работу.

– И что это за работа?

– Мне предложили отправиться в качестве наблюдателя на одну из планет, населенных людьми. На планету, менее развитую, чем наша.

Почему-то я постеснялся сказать о миссии, которая мне предложена. Слишком нескромно это прозвучало бы.

– Вы согласились?

– Да.

– Молодость, романтика, – серьезный задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику. – Это хорошо, что вы согласились, и еще лучше, что не стали ничего от меня скрывать.

От такого скроешь. Стоило мне пару раз зайти к тарси – и сразу попал на заметку. Да и не собираюсь я ничего скрывать, не вижу в предложении серых ничего постыдного или недостойного.

– Что вы скажете, если я предложу вам побеседовать с нашими ведущими учеными? Любая информация о тарси будет очень полезной. Нам сейчас просто необходим технологический прорыв, – продолжил Степан Сергеевич.

– Вряд ли из этого выйдет толк. Поймите меня правильно, я не отказываюсь. Но что толку, если я расскажу о том, что такой-то прибор плоский, а другой имеет форму шара? Да пока и рассказывать-то не о чем. На других планетах я не побывал.

– Вот об этом желательно поподробнее, после того как вернетесь.

– Непременно.

Интересно, что было бы, если бы я сказал: «Ни в коем случае»? Я облегченно вздохнул, поняв, что меня не собираются тащить к эскулапам прямо сейчас. Интересы своей страны, конечно, важная вещь, но когда тебя изводят вопросами, не очень-то приятно. В том, что меня не оставят без внимания, я не сомневался. Должно быть, серьезный понимал, что много из меня пока не выжмешь, и решил не форсировать события.

Машина остановилась почти на том же самом месте, где меня подобрали.

– Я не прощаюсь, Павел Николаевич, – натянуто улыбнулся мой собеседник.

Облегченно вздохнув, я толкнул дверь и оказался на тротуаре. Кто бы мог подумать, что события примут такой серьезный оборот?

В ожидании миллиона, который должен быть получен завтра, я решил заглянуть в магазин и потратить оставшиеся в наличии деньги, устроив себе маленький пир. После всех произошедших сегодня событий требовалось срочно подкрепиться.

Полдня я просидел в комнате, пытаюсь осмыслить все, что на меня свалилось. Позволил отец и сообщил, что они прибыли в клинику, сегодня же врачи должны начать обследование. Ближе к вечеру я все-таки решил покинуть дислокацию и выйти в город. Собственно, дел никаких у меня не было, и я мог бы отправиться к тарси сразу, но к предстоящим переменам хотелось хотя бы немного привыкнуть, слишком уж резкий поворот сделала моя жизнь. В общем, я отправился на прогулку, уж лучше бы я этого не делал. Хотя кто знает...

Я спокойно дошел до угла, где был остановлен вполне невинным вопросом:

– Не подскажете, где улица Красильниковова?

Я обернулся навстречу невысокому парню, объяснил дорогу и продолжил свой путь. Точнее, собрался его продолжить. Не успел я свернуть за угол, как буквально столкнулся с... Как бы вам объяснить? Сразу за углом стояла спортивная машина с поднятым капотом, а рядом с ней, наклонившись над двигателем и пристально его разглядывая, стояла женщина. Женщина с большой буквы. Я таких раньше только по телевизору видел или на обложках модных журналов. Чуть позже я смог по достоинству оценить ее грацию, улыбку и шарм. Первоначально же моему взору предстала та часть тела, которая остается на виду, когда дама наклоняется, чтобы рассмотреть двигатель своего автомобиля. Часть, должен признать, тоже выглядела весьма и весьма, так же как длинные ноги, которые из нее росли.

По какой-то нелепой случайности женщина остановилась сразу за поворотом (буквально в двух шагах), а я отвлекся на разговор с прохожим. В общем, когда я ее заметил, то понял, что остановиться не успеваю. Все, что я успел – это рефлекторно выставить вперед руки. Ну, честное слово, рефлекторно, человек непроизвольно реагирует таким образом на приближающееся препятствие. В результате получилось, что я схватил красотку за... Ну, вы сами понимаете.

Женщина резко отпрянула от машины, повалив меня на землю. Но, видимо, ей этого показалось мало, и она упала следом.

Я на секунду онемел. Когда на вас падает такая красотка, несложно лишиться дара речи.

Первой в себя пришла дама. Выбравшись из моих невольных объятий, она топнула ногой и заявила:

– Нахал!

– Простите меня, я не хотел. – Я представил, как выглядело мое поведение со стороны, и покраснел.

– Все вы так говорите! И это вместо того, чтобы помочь! Как низко пали нравы!

– Уверю вас, это чистая случайность.

– Что вы смотрите! Вы собираетесь мне помогать или нет?

– Я попробую.

В современном спортивном автомобиле столько всевозможной электроники, что разобраться в ней без специальных стенов – пустая затея, но после всего случившегося просто уйти было никак невозможно.

На удивление, причина поломки оказалась элементарной – отвалился высоковольтный провод. Я присобачил его на место и предложил женщине попробовать завести машину. Мотор фыркнул и заурчал, подобно довольному тигру.

– Спасибо! Что бы я без вас делала, – красотка одарила меня мягкой улыбкой. – Есть еще настоящие мужчины.

К счастью, гнев ее прошел, сменившись симпатией.

– Рад был помочь. Извините, что так неуклюже налетел на вас.

– Ну что вы, это я виновата. Я сразу должна была понять, что вы порядочный человек. Как я могу отблагодарить вас за помощь?

– Что вы, не стоит благодарности, – заверил я.

– Меня зовут Инга.

Она протянула руку с тонкими пальцами и длинными, ярко накрашенными ногтями, которую я аккуратно пожал. Возможно, следовало руку поцеловать, но после того как я схватил Ингу за... ну, в общем, за талию, как бы поцелуй не был принят за фамильярность.

– Очень приятно. Павел.

Неожиданно у Инги в сумочке заиграл мобильник, и она обернулась к машине. По мере того как моя новая знакомая слушала, лицо ее становилось все более огорченным.

– Ну вот, из-за этой поломки я не успела заехать за своим спутником. Но вы же настоящий мужчина и не оставите меня в беде?

– Чем я могу вам помочь?

– Я собираюсь на одно мероприятие, где неприлично показываться без спутника. Вы можете стать на этот вечер моим кавалером?

Ущипните меня. Я всегда думал, что кавалеры таких женщин, как Инга, работают, как минимум, в банках, а скорее всего ими владеют. Отказаться было выше моих сил. А собственно, почему я должен отказываться?

– Если это действительно важно...

– Вы меня очень выручите. Я обещала быть, отказываться было бы неловко.

– Хорошо, тогда я согласен.

– У вас есть во что переодеться? Понимаете, это светское мероприятие, там принято появляться в строгом костюме.

Вот так раз! До этого из всех светских мероприятий мне доводилось присутствовать только на собраниях, а там к форме довольно мягкое отношение.

– Свой гардероб я забыл дома, – ответил я. – Извините, но я не смогу быть вам полезен.

– Ну что вы, это такая мелочь. Мы немедленно подберем вам что-нибудь подходящее. Считайте, что это моя благодарность за вашу помощь.

«Ну почему мою карточку активируют только завтра?» Одалживаться чрезвычайно не хотелось.

– Это не слишком удобно.

– Бросьте. Считайте, что это мой маленький каприз, – женщина положила мне руку на плечо, заглянула в глаза и мягко улыбнулась.

Мурашки побежали у меня по спине, разум кричал, что он отказывается руководить телом. Неожиданно всплыла из памяти фраза из давно увиденного фильма: «От таких женщин не уходят».

«Почему бы и нет. Отдам ей деньги завтра, – выбралась из подсознания предательская мысль. – Второй такой встречи может не быть».

– Поведешь? – спросила Инга, посмотрела на мой ошарашенный вид и добавила: – Ладно, садись рядом на пассажирское.

Машина взревела сотнями лошадей и резко сорвалась с места.

На мой гардероб Инга потратила около пятидесяти тысяч рублей. Я заверил ее, что завтра же все ей отдам, в ответ на что получил лишь улыбку.

Машина сорвалась с места снова, через полчаса Инга остановилась около здания, на входе в которое значилось «Выставка современного искусства».

– Эта галерея принадлежит моей подруге, – заверила Инга. – У нее несколько экстравагантный вкус, но подобные вещи сейчас в моде.

– Я ничего не понимаю в современном искусстве.

– Не переживай, в современном искусстве почти никто ничего не понимает. Все, что тебе надо, это сделать умный вид и многозначительно кивать. Справишься?

– Постараюсь. Но если никто ничего не понимает в современном искусстве, то зачем сюда приходят люди?

– Это тусовка. Принято делать вид, что всем все нравится.

Напыщенный швейцар распахнул дверь и пропустил нас в помещение. Ингу он смерил почтительным взглядом, меня – оценивающим.

Выставка действительно была странной. Коллажи, составленные из каких-то лоскутков, из кривых водопроводных труб и старых вещей, были рассредоточены по залу, являя собой отдельные композиции, между которыми гуляли гости, разглядывая эти творения.

К Инге бросилась импозантная блондинка:

– Привет, дорогая, очень рада тебя видеть. Кто это с тобой? Какой интересный молодой человек.

– Меня зовут Павел, – представился я.

– Чем вы занимаетесь, Павел?

«Что ей ответить? Сказать, что студент?»

– Я специализируюсь в технической сфере. Правда, в последнее время есть намерения испытать себя на ниве дипломатии, – честно ответил я.

О том, какая это будет дипломатия, я упоминать не стал.

– Как интересно!

Хозяйку салона окликнули, и она убежала, бросив на прощание:

– Не скучайте.

Люди переговаривались друг с другом, останавливаясь на время, затем снова приходили в движение. Я чувствовал себя не в своей тарелке. Темы разговоров были мне чужды. К счастью, мы не задержались здесь слишком долго.

– Павел, вы умеете водить машину? – бархатным голосом проворковала Инга. – Я перенервничала, мне просто необходимо успокоиться.

Машину я водить умел. Правда, спортивные кабриолеты – до сих пор не приходилось.

Автомобиль фырчал, как норовистый конь, и готов был мчаться вперед, стоило немного надавить на газ. Приходилось сдерживать свои порывы. До дома Инги мы долетели минут за десять. Я припарковал авто во дворе и отдал ключи Инге.

– Предлагаю выпить по чашечке кофе. Поднимешься?

– Если это удобно.

– Если я приглашаю, значит, удобно, – Инга рассмеялась.

Неожиданный поворот, но после всего, что сегодня случилось, я, похоже, разучился удивляться.

Мы поднялись на третий этаж, она открыла ключом свою квартиру и предложила мне пройти вперед.

– Вот так я и живу, – мы прошли в гостиную. – Располагайся. Немного вина?

– Разве что немного.

Я и так плохо соображал, такая женщина пьянит не хуже вина и может выбить из колеи кого угодно.

– Я в душ, ужасно устала за день. Не скучай.

Инга убежала, через минуту послышался звук льющейся воды.

«Что значит это приглашение на чашечку кофе? Кстати, о кофе она и не вспомнила. Кто я для этой львицы? Мимолетный каприз? Даже если так, должен ли я отказываться от того, о чем не смел и мечтать?»

– А вот и я, – появилась хозяйка дома.

Ее халат был скорее данью условности и позволял в полной мере оценить великолепную фигуру.

– Где же кофе? – хрипло проговорил я.

– А зачем нам кофе? Ну же, Павел, будьте смелее.

«Легко сказать, быть смелее, сердце колотится так, что готово выскочить из груди».

Глава 4

Трель звонка не унималась не менее десяти секунд, затем в дверь начали стучать громко и настойчиво. Я подумал, что ничего не знаю об Инге. Возможно, у нее есть муж? Или ревнивый любовник? Ситуация – смешнее не придумаешь. Но оказалось, это не тот и не другой.

– Что за бесцеремонность? – нахмурилась женщина. – Кого там принесло?

– ЖЭК! – раздалось из-за двери. – Открывайте, вы затопите полподъезда! – и стук возобновился.

– У нас нет никакой утечки.

– Все так говорят, а потом оказывается, что у соседей снизу потолок обвалился!

– Не обваливали мы никакие потолки.

– Потому что я на страже! Некоторые повреждения может найти только специалист.

– Хорошо, можете убедиться сами, что у нас все в порядке.

Инга распахнула дверь. Сантехник был неожиданно опрятным: новенький форменный комбинезон, открытое лицо, пластиковый ящик с инструментами.

– Где здесь у вас ванна? – с ходу спросил он.

– Вот, можете посмотреть, – недовольно проронила Инга.

Сантехник принялся извлекать на свет разводные ключи, вентили, лен. Все это он разложил в прихожей.

– Что вы делаете? – воскликнула Инга.

– Не мешайте подготовке рабочего процесса, – с сосредоточенным видом отозвался работник ЖЭКа. – И вообще отойдите в сторону.

– Между прочим, это моя квартира!

– Об этом будете говорить в конторе, мое дело – найти утечку.

Инга недовольно фыркнула и отошла в сторону.

Сантехник нырнул в ванную комнату и принялся там стучать и орудовать ключом. Результат этой работы был поразительным: неожиданно ударил фонтан воды, забрызгав не только ванную, но и часть коридора.

– Ну вот, я же говорил, что здесь что-то не в порядке! – воскликнул водяной мастер, довольно потирая руки.

– Что вы сделали? Пока вы не пришли, все было в порядке! – кричала Инга, подпрыгивая на мокром полу.

– Не стой, словно курица, неси скорее швабру, будем воду убирать! – скомандовал сантехник.

– Да вы, да...! Да вы хотя бы вентиль перекройте! – наконец смогла выкрикнуть Инга. Еще недавно пушистая кошечка превратилась в разъяренную фурию.

– Петрович знает свое дело, – заверил мастер и опять исчез в недрах ванной комнаты. Появился он через минуту, мокрый и довольный:

– Ну вот, недельку придется посидеть без воды, а так – порядок.

– Как «неделю»? Как же так можно?

– Раньше люди вообще без водопровода обходились, и ничего. Вот это я понимаю. Это был рай для сантехников. Никаких утечек.

Я понял, что пора пробираться к двери, о романтическом вечере теперь не могло быть и речи.

– Пойду я, пожалуй.

– Жаль, что все так получилось. Позвони мне завтра, – Инга сунула мне визитку.

Сантехник неожиданно весело подмигнул и обернулся к хозяйке, которая накинулась на него с упреками.

Я спустился вниз и только тогда вспомнил, что забыл пакет со старой одеждой в багажнике машины Инги. А вместе с ним свой студенческий билет и жалкие остатки денег. К счастью, паспорт и кредитку я благоразумно переложил в карманы нового костюма. А вот на то, чтобы переложить туда все остальное, у меня благоразумия не хватило.

Возвращаться назад не хотелось: там сейчас кипели водопроводные страсти, Инге точно не до моих проблем. Я дошел до остановки автобуса. К сожалению, кредитные карточки для оплаты проезда в общественном транспорте не принимают. Но хотя бы нет смысла сожалеть о том, что карточка не активирована. Пришлось возвращаться домой пешком, потратив на это около часа. Всю дорогу меня терзали сомнения: с чего бы вдруг такой женщине, как Инга, неожиданно обратить на меня внимание? Я не склонен был себя недооценивать, но и переоценивать не имело смысла. Что это? Случайность или нет? Может, Степан Сергеевич решил таким образом подстраховаться? Или все это лишь каприз богатенькой дамочки? Варианты толпились в очереди. Те, что были для меня более предпочтительными, старались оттолкнуть те, которые казались более разумными. Приходилось прилагать немалые усилия, чтобы попытаться расставить их в порядке возможного приоритета. Что за напасть...

Но этого оказалось мало, меня не хотели пускать в общежитие.

– Куда прешь? Сейчас полицию вызову! – гаркнула вахтерша баба Нюра.

Вахтерши в общежитии – это такой особый род людей, министра мимо себя не пропустят, если он не изволит здесь проживать.

– Это же я, баба Нюра.

– Баба Нюра – это я! – заявила вахтерша. – Студенческий!

– Вы меня не узнали? Я Павел Скоробогатов из сто семнадцатой.

– Пашка, ты что ли? Ишь, прифрантился. Ладно, проходи.

Фух, хотя бы не придется искать место для ночлега. Только этого не хватало для завершения полного событиями дня. Хватит с меня: завтра узнаю, как дела у мамы, заберу свои вещи у Инги и отправлюсь к тарси. Пора приступать к работе.

С утра планы неожиданно пришлось поменять. Разбудил меня телефонный звонок. Звонил мой недавний знакомый, Степан Сергеевич. Я не ожидал от него каких-либо действий так быстро. Тем удивительнее было услышать:

– Что же вы, Павел Николаевич, так беспечны? Иная беспечность граничит с преступлением.

– О чем вы? – удивился я.

– Через десять минут внизу вас будет ждать машина, приезжайте, поговорим.

Через десять минут? Мог бы позвонить и заранее. Я быстро собрался, надел свой новый костюм и вышел на улицу. С компетентными органами не стоит шутить без крайней необходимости. Интересно, что нового могло случиться за ночь?

Знакомый автомобиль стоял у входа. Водитель знаком предложил мне садиться и молча тронул машину с места. За всю дорогу он не произнес ни одного слова. Я не спрашивал, а сам он разговор не заводил.

Ехали мы минут двадцать, после чего машина остановилась в тихом дворе около ничем не примечательного двухэтажного дома.

– На второй этаж и прямо, – буркнул водитель. Это была первая фраза, которую я от него услышал за две поездки.

На втором этаже на двери висела табличка «Агентство «Омнибус». Социологические опросы». Оригинально. Почему-то я ожидал, что все будет более официально. Но, по большому счету, какая мне разница?

В приемной длинноногая секретарша что-то печатала на компьютере. Заметив меня, она оторвалась от работы:

– Вы по поводу...?

– Я к Степану Сергеевичу.

– Проходите. Кабинет номер четыре.

«Почему не номер один?» – хотел спросить я, но не стал. И так понятно – тот, кто придет не по делу, будет стремиться заглянуть именно в кабинет под цифрой один, полагая, что именно там и должен находиться начальник. Наверняка его не станут в этом разубеждать. Скорее всего там находится сотрудник, в обязанности которого входит заворачивать тех, чье присутствие здесь нежелательно.

Я постучал в указанную дверь и услышал в ответ:

– Заходите, Павел Николаевич.

«Как он узнал? Впрочем, о чем это я, способов – масса: водитель мог позвонить своему шефу или вообще где-нибудь здесь стоит замаскированная видеокамера». Я потянул дверь на себя.

– Рад, что вы приняли мое предложение без проволочек. Думаю, будет лучше, если мы поговорим с вами здесь. Очень удобно, знаете ли, нет такой суеты, как в нашем основном здании.

Я молчал, пока что сказанное ответа не требовало. Что касается причины, по которой со мной хотели поговорить, наверняка об этом и так пойдет речь.

– Вы не удивлены моей просьбой? – спросил серьезный.

– Признаться, удивлен. Не представляю, что могло измениться со вчерашнего дня.

– Так и не представляете? Не лукавьте, Павел Николаевич. Не думаете ли вы, что контакты с представителями иностранных разведок – не лучшее времяпрепровождение для законопослушного гражданина? Времена сейчас не те, как когда-то, за одно только это вас не сошлют в Сибирь. По крайней мере, пока, – Степан Сергеевич улыбнулся, давая понять, что последнее – шутка. Но в каждой шутке, как известно, только доля шутки. – Тем не менее такое поведение вас не красит. Совсем не красит.

– О чем вы? Какая иностранная разведка? – искренне удивился я.

– Вас интересует, какая именно?

– Да нет. Я не имел дела ни с какой иностранной разведкой.

– Это вам только кажется. На самом деле вы не только встречались с их агентом, но и получили от него подарки.

– Я? Подарки? Бред какой-то!

– Бред? А это как назвать? – серьезный нажал кнопку на пульте, и на одной из стен засветился экран.

Фотографии были из магазина. Того самого, где Инга выбирала мне костюм. На одной из них было ясно видно, что она расплачивается карточкой за сделанные покупки.

– Но при чем здесь иностранная разведка? Да и деньги я обещал вернуть? Тарси перечислили мне аванс, сегодня банк активирует карточку, и я отдам все до копейки.

Степан Сергеевич перелистывал фотографии.

– Вот эта мне нравится больше всего. – Я лежал на асфальте, Инга лежала сверху. – Удачный ракурс, не правда ли?

Я покраснел, хорошо еще, что он не продемонстрировал ракурс, который был за несколько секунд до того.

– Это была случайность. Я столкнулся с женщиной, и мы упали на землю.

– Молодой человек, в работе разведок случайностей не бывает. Инга Лахтис, – на экране появились фотографии Инги с разными людьми, сделанные в разное время, – работает, как минимум, на две разведки. Удачливый агент. А этого человека вы случайно не узнаете?

На фотографии рядом с Ингой был запечатлен молодой парень. Я присмотрелся: точно, именно он спрашивал у меня дорогу за секунду до моего столкновения с женщиной.

– Так он тоже..?

– Мелкая сошка. Действует на подхвате, используется для мелких поручений. Речь пойдет не о нем, а о вас. И что же мы видим в результате? Вы лежите на асфальте вместе с иностранным агентом, затем едете с ней в магазин, позволяете оплатить ваши покупки. Затем отправляетесь на выставку.

– Выставка тоже..?

– Нет. Выставка самая обыкновенная. По роду своей деятельности Инга обязана вести открытый и общительный образ жизни, у нее много знакомых.

Известие было сногшибательным, а серьезный продолжал выкладывать аргументы:

– Затем вы отправились к ней домой. Мне интересно, с какой целью? Думаю, что в намерения ваши входило не просто попить кофе.

Я покраснел еще больше. Да что за день такой? Раз за разом меня вгоняют в краску.

– А почему бы и не кофе?

– Потому что это Инга. Из ее цепких коготков никто так просто не уходил. Пришлось вмешаться. Кстати, из-за вашей непредусмотрительности мы залили соседей снизу, теперь придется делать им ремонт.

– Так сантехник – это..?

– Ну да. Надо же было вас как-то высвободить из ее цепких лапок. Уж извините, если мы нарушили ваши планы интимного характера.

– Послушайте, если вы знаете, что она иностранный агент, то почему до сих пор ее не арестуете?

– Не все так просто. Времена изменились, изменились и методы работы разведок. Мир стал гораздо более открытым, чем пару десятилетий назад. А то, что из открытых источников можно получить не менее ценную информацию, учитывается не всегда. На грубое нарушение наших законов Инга не идет, по крайней мере, такие случаи не зафиксированы, ходит по краю. Так что предъявить ей, по большому счету, нечего. Взять хотя бы случай с вами: вы не являетесь носителем государственных секретов, а следовательно, не можете их разгласить.

– Так значит, я ничего не нарушил? – вздохнул я с облегчением.

– Пока не успели. Не считая этических норм и правил, – заметил серьезный. – Если вы заметили, мы беседуем в кабинете, а не в камере. Я лишь хотел предупредить вас, в какую неприятную ситуацию вы попали. Инга постаралась бы привязать вас всеми возможными методами.

Я побагровел.

– И не только тем, о котором вы сейчас подумали, – сдержанно улыбнулся Степан Сергеевич. – Но за сладкой оберткой обычно скрывается горькая пилюля. Разведки не занимаются благотворительностью, однажды вам пришлось бы платить по счетам.

– Да зачем я ей сдался? – удивился я.

– А вы не догадываетесь?

– Тарси?

Серьезный кивнул.

– Тарси. Не знаю, как вы попали в поле зрения сообщников Инги, думаю, они ведут дистанционное наблюдение за представительством, в котором вы побывали. Вы посетили его дважды, этого оказалось достаточно, чтобы взять вас в разработку.

– Так у них ведь тоже есть представительство тарси, – удивился я.

– Конечно, есть. Не сомневайтесь, там они работают куда более открыто. Но, как видите, и нас не забывают. В чужом огороде морковка слаще.

– А морковка – это, значит, я?

– Морковка – это информация. А информация о тарси – самая вкусная и сладкая морковка. Наши «друзья» собирают ее где только возможно. Делайте выводы, Павел Николаевич. Заметьте, я обо всем рассказал вам честно и прямо.

– Спасибо. Я это заметил и оценил. А почему вы рассказали обо всем честно и прямо?

– Не понял? – удивленно приподнял бровь серьезный.

– Вы могли прижать меня историей с Ингой, однако не стали этого делать.

– Мог бы. А что толку? Очень скоро вы окажетесь вне сферы нашей досягаемости. И потом, хорошее отношение – это лучший повод для взаимного доверия, не так ли? Я успел вас изучить: начини я давить, получу невольное противодействие. Вместо того чтобы думать о деле, вы будете думать о том, как бы избавиться от излишней опеки.

– Я думал, что в вашей службе принято действовать так, как... В общем, так, как работала Инга.

– Разные ситуации, разные методы, разные люди. Тот, кто работает за деньги – продаст. Тот, кто работает из страха, будет думать о том, как бы очутиться подальше от его причины. Тот, кто действует по убеждению, надежнее всего. Я думаю, с вами можно говорить открыто.

Да, открытость дорогого стоит. Признаться, Степан Сергеевич подкупил меня этой самой открытостью. Как-то смог он меня просчитать, не могу я ответить подлостью и обманом, когда ко мне обращаются с открытым забралом. И понимаю, что причина не в чрезмерной доброте серьезного, но тем не менее... Если одной из ставок в работе является ставка на благородство, надо, как минимум, верить в это самое благородство. А это аргумент.

– Спасибо, что рассказали про Ингу.

– Ну что вы, Павел Николаевич, какие счеты? Спокойно работайте по заключенному с тарси контракту. Развитие связей подобного рода принесет нам пользу.

– Так я пойду?

– Не смею вас задерживать. Вот мой номер телефона, звоните, если возникнут трудности.

– Непременно, – я взял визитку, посмотрел на то, что там написано.

Надпись была краткой и лаконичной: «Стольников Степан Сергеевич» и номер телефона.

«Интересно, зачем мне номер телефона, если я и так под наблюдением? Обо всех моих встречах они узнают чуть ли не раньше меня».

Я вышел на улицу, огляделся в поисках возможного наблюдателя и никого не обнаружил. Впрочем, вчера я тоже никого не заметил, так что это еще ни о чем не говорит.

Попал я в переplet. Мой друг Сашка вряд ли предполагал такое развитие событий, когда советовал мне поинтересоваться собственным предназначением. Но не в том же мое предназначение, чтобы отбиваться от назойливого внимания спецслужб!

А Инга хороша! Я попытался представить, что было бы вчера, если бы не появился «сантехник» и не устроил потоп, и меня бросило в жар. Сердце учащенно забилося.

«Надо гнать эти мысли. У меня мать в больнице в тяжелом состоянии, а меня волнуют объятия шпионки... Как вам не стыдно, сударь? Да если бы не договор с тарси, Инга и не посмотрела бы в вашу сторону. Но до чего же хороша, чертовка!»

Чтобы отвлечься от мыслей об Инге, я позвонил отцу и поинтересовался, как дела у мамы. Ее состояние было сложным, врачи пока не пришли к однозначным выводам, сегодня ждали прилета коллег из Берлина для врачебных консультаций.

Пока результат не станет известен, лучше не уезжать. Но кто мешает мне пройти подготовку к заданию, которое мне предстоит выполнять?

Осталось немного: забрать из багажника машины Инги мои вещи и вернуть ей деньги, потраченные на мою экипировку. Причем сделать это надо аккуратно. Наверняка она попытается воспользоваться встречей, чтобы пустить в ход свои чары.

Я набрал номер Инги и после пары гудков услышал бархатистое напевное: «Але-е».

– Инга? Это Павел.

– Здравствуй, Паша. Надеюсь, ты не обиделся за такое неудачное завершение вечера?

– Нет, что ты. Водопровод – это такая вещь... Непредсказуемая, как женщины.

– Я чувствую себя неловко и хотела бы загладить свою вину.

– Ты хочешь встретиться? Об этом я не мог и мечтать. Тогда я хотел бы приготовить для тебя сюрприз. Но сначала назови мне номер твоей карты, и я верну потраченные тобой вчера деньги.

– К чему такая спешка? Что за счета между друзьями? Ты ведь согласен быть моим другом?

– Не забывай, что я мужчина и не хочу быть обязанным даже такой прелестной женщине. Я буду чувствовать себя неловко, если не верну деньги за мой костюм.

Инга замолчала. Она обдумывала ответ, я обдумывал, как бы мне усилить аргументацию. Я нарушил паузу первым:

– Такая женщина, как ты, достойна самых лучших подарков. Я счастлив быть рядом, позволь мне хоть как-то компенсировать это счастье.

– Ну хорошо, – довольно промурлыкала шпионка. – Записывай номер счета.

Мы оба остались чрезвычайно довольны. Я тем, что смогу вернуть долг. А Инга думала, что ее чары оставили неизгладимое впечатление. Если при этом еще удастся и деньги сэкономить, то тем лучше.

– Отлично, записал.

– Когда мы увидимся?

– Я боюсь нарушить твои планы.

– В мои планы входит весело провести время. Желательно в хорошей компании.

– Ты мне льстишь. Тогда мне надо лишь заскочить в банк. Через полчаса я буду совершенно свободен.

– Отлично, тогда у банка через полчаса.

Похоже, мне не оставляют возможностей для отступления. Ну, это мы еще посмотрим. Вчера я попался бы в эту ловушку, сегодня же буду действовать осмотрительнее.

– Замечательно. Буду ждать с нетерпением, – отозвался я и постучал по дереву.

Я перевел деньги на указанный Ингой счет и вздохнул с облегчением. Оставалось справиться со второй частью задачи. Для этой цели я поставил на мобильнике таймер на десять минут. Подумал, хорошо ли я рассчитал свои силы, вздохнул и убавил время до пяти минут. Оставалось лишь нажать на кнопку, и начнется отсчет.

Я вышел из банка и стал прогуливаться в ожидании хищницы, нацелившей на меня свои когтистые лапки. Не прошло и десяти минут, как спортивная машина Инги, мигнув поворотником, припарковалась у тротуара. Я нажал в кармане на кнопку мобильного, таймер начал отсчитывать время.

Изящная ножка ступила на асфальт. На секунду Инга замерла в этой соблазнительной позе и появилась полностью, улыбаясь и приветливо помахав рукой.

– Здравствуй, милый! – она потянулась и поцеловала меня.

Еще вчера я был бы на седьмом небе от счастья, но сегодня я стал более внимательно прислушиваться к своим ощущениям. Холод. Никакого чувства. Это был бесстрастный поцелуй манекена. Манекена очень красивого, но совершенно равнодушного. Не понимаю, как я мог еще недавно испытывать к ней чувства. Себя так легко убедить и выдать желаемое за действительность.

– Привет, – ответил я.

Инга чуть отстранилась и внимательно на меня посмотрела. Насторожилась? Я повел себя не так, как соблазнительница ожидала? Секунду подумав, она приняла мою скованность за смущение и успокоилась.

– Куда поедем?

– Куда хочешь.

– Значит, в ресторан.

Я опустил на пассажирское сиденье, Инга – на водительское. Совсем недавно я мечтал, чтобы Юлька увидела меня с красавицей, но сейчас об этом даже и не подумал. Я в роскошном автомобиле, рядом со мной такая женщина, но вместо радости я чувствовал тоску. Мечта оказалась какой-то ненастоящей. Обманкой, как кролик из шляпы фокусника.

Инга положила руку мне на колено и плавно погладила. Мое сердце прибавило оборотов, разум боролся с эмоциями. Не слишком ли много времени я выставил на таймере? Может, стоило ограничиться тремя минутами? К счастью, пять минут истекли, и я с облегчением услышал мелодию мобильного телефона.

– Алло, – я сделал вид, что отвечаю на звонок. – Как вы говорите? Срочно? А нельзя ли отложить? Нельзя? Не забыть с собой студенческий билет? Хорошо, буду.

Я обернулся к коварной красавице:

– Непредвиденная ситуация, надо срочно отметить в институте. – Я хлопнул себя по карманам. – Кстати, я оставил свой студенческий у тебя в багажнике вместе со старой одеждой.

– Я об этом совсем забыла! – всплеснула руками Инга.

– Хорошо, что ты здесь, давай скорее достанем пакет.

Через минуту я держал в руках пакет со своей старой одеждой. План осуществился, пора было отрываться.

– Я тебя подвезу, – предложила Инга, недовольно кусая губы.

Ее машина сорвалась с места и влилась в поток. Вскоре мы достигли цели.

– Спасибо, ты меня здорово выручила, – поблагодарил я.

– Я могла бы тебя подождать.

– Правда? – я сделал вид, что обрадовался. – Но я могу задержаться. Давай сделаем вот что: как только я разберусь с делами, отзвонюсь, и мы отметим это событие.

Инга потянулась для поцелуя, но я чмокнул ее в щеку и выскочил из машины, словно ошпаренный. Заскочив в родное учебное заведение, я не стал там задерживаться, а как можно скорее отправился к общежитию.

В комнате я вытряхнул содержимое пакета на кровать. Одежда была на месте, студенческий тоже. Но того, что я искал, не было. Не было пропуска в представительство тарси.

Как я мог быть так беспечен?! Пропуск надо было переложить в карман нового костюма прежде всего! Инга так настойчиво акцентировала мое внимание на том, что она не заглядывала в багажник, что я был почти уверен в обратном. Зачем им понадобился мой пропуск?!

Я бросился к компьютеру и быстро набрал письмо: «Для Лоау. Мой пропуск утерян, возможно, похищен. Павел Скоробогатов».

Шли минуты, а ответ не приходил. Я ругал себя последними словами и просил Всевышнего, чтобы Лоау оказался на месте и прочел мое сообщение.

Наконец через девять минут пришел ответ: «Сообщите время своего прибытия, вас встретят».

Я облегченно выдохнул. Пора, а то так и будут доставать меня не одни, так другие.

«Буду у вас через час».

Я отправил письмо, затем удалил с почты всю переписку, подумал и удалил с компа все лишнее. После чего выключил его и отправился вниз ловить такси.

Ждать на проходной пришлось недолго. В означенное время появился Лоау, и меня пропустили в представительство.

Глава 5

– Итак, поговорим о языках.

У тарси была составлена плотная программа, по которой в самые кратчайшие сроки в меня должны были впихнуть все самое необходимое. Объем этого необходимого приводил меня в ужас.

«Вы студент, Павел, вам не привыкать учиться», – говорил Лоау. Это верно, учиться мне было не привыкать, но не настолько же, чтобы освоить в полторы недели иностранный язык, познакомиться с местными условиями (хотя это-то не так сложно, язык важнее), освоить правила обращения с холодным оружием и верховую езду.

Разумеется, ничто из перечисленного не требовалось освоить в совершенстве, но обо всем я должен был иметь представление.

Самым сложным мне представлялся язык. Если отсутствие навыка владения мечом можно списать на какие-то обстоятельства, на коне можно поехать шагом, а то и пешком пойти, то без языка никуда. Без него вся миссия превращается в профанацию.

Лоау не разделял моего скептицизма.

– Вопрос решаем, – заверил он меня, – хотя и непросто.

– Вы хотите сказать, что можно выучить язык за полторы недели?! – удивился я.

– Выучить – нет, а научиться понимать можно. Что вы слышали о вавилонском столпотворении?

– Слышал, что есть легенда о башне, которая так и не была построена.

– Вообще-то, это была не совсем башня. Точнее, не только башня.

– Хотите сказать, что все это происходило на самом деле?

– Событие имело место быть, но само строительство значило гораздо меньше, чем сопутствующие ему вещи. Вы помните, почему строительство так и не было завершено?

– Насколько я помню легенду, сначала люди говорили на одном языке, а затем начали говорить на разных и разучились понимать друг друга.

– Не совсем так. Они и раньше говорили на разных языках, но это не мешало взаимопониманию. Изначально в человеке заложена способность понимать любую разумную речь и многие другие способности – тоже.

– И куда же эта способность делась?

– Она никуда не делась, просто была заблокирована. И сейчас иногда появляются полиглоты, у которых повышенные способности к языкам. Все объясняется просто – у них блок не такой прочный, как тот, что у всех остальных.

– Заблокирована? Но зачем?

– Не мне рассуждать о планах Создателя, – тарси развел руками. – Возможно, он посчитал, что это поможет строительству разных вариантов цивилизаций. Общий язык объединяет, но вариативность развития уменьшается.

– А что еще было заблокировано?

– Изначально в конструктивные возможности человека было заложено очень многое: здесь и тактильное зрение, и телекинез, и телепортация.

– И все это тоже заблокировано? – удивился я.

– Как видите. Думаю, чрезмерное форсирование возможностей себя не оправдало. Тем не менее иногда случаются пробои блокировки и на свет появляются уникалы. Вот с этими самыми блокировками мы и попытаемся поработать.

– Хотите сказать, что я смогу проходить сквозь стены?!

– Нет. Сквозь стены не сможете. Да и достаточно мощный телекинез был доступен лишь объединенным усилиям больших групп людей. В принципе, при разблокировке возможностей

телекинеза вы могли бы двигать разве что спичечный коробок. Умению двигать вещи силой мысли, как всякому умению, требуется тренировка. Лишь отдельные уникамы достигали высоких результатов и могли двигать десятки килограммов.

– Вы об этом говорите так уверенно, будто присутствовали при этом лично, – удивился я. Лоау рассмеялся.

– Нет, я не так стар. Но в наших хрониках сохранились свидетельства, которые можно считать достоверными.

Получается, что авторы этих хроник уже тогда могли посещать Землю? Куда ж они шагнули с тех пор?

– В любом случае – возможности заманчивые.

– Заманчивые. Но не забывайте про бесплатный сыр. В плане наращивания возможностей надо действовать очень осторожно. Вы слышали о том, что дополнительные способности часто несут с собой проблемы? Человек выкладывается, работает на пределе способностей, часто за пределом. Излишний форсаж возможностей – вещь опасная.

– Но как же раньше?..

– Думаю, имелись не только способности, но и возможности ими оперировать. Если выражаться техническим языком, оперативная память была больше. Или задействована по-другому. Что может произойти при недостатке оперативной памяти?

– Машина зависнет, – не задумываясь, ответил я. – Работа замедлится, а то и остановится вовсе.

– Человек – не машина, он более гибок, но и ему непривычные нагрузки вредны. Со временем оперативная память может вырасти, а пока даже и не думайте о наборе сверхспособностей. Попробуем открыть вам не самую объемную, но самую необходимую в данной ситуации способность – способность понимать любую разумную речь.

– А это не опасно?

Тарси на минуту задумался.

– Для вас не слишком. Все-таки вы привыкли работать с большими объемами информации. Ваше студенчество пришлось очень кстати. Решение в любом случае за вами.

Понимать чужие языки было очень заманчиво. Сколько времени приходится тратить на изучение того же английского. Если Лоау не обманывает, это время сократится на порядки. Обманывать ему вроде бы ни к чему.

– Когда приступим?

– Прямо сейчас и приступим. Зачем тянуть? У нас кроме этого немало дел. Пойдемте.

Процесс разблокировки моих способностей к языкам я благополучно проспал. Так полагось. Как мне объяснил Лоау, во сне мозг переходит в другое состояние, и работать с его возможностями легче.

Меня поместили под прозрачный колпак, попросили закрыть глаза – и все. Полминуты – и я погрузился в глубокий сон.

Проснулся я через два часа, с твердым убеждением, что прошло именно столько времени плюс минус десять минут, а не один час или, скажем, четыре. Почему так, не могу сказать, но уверенность была твердой. Должно быть, это заработали сопутствующие пониманию языков возможности. А вот само понимание языков пока никак себя не проявило.

Лоау произнес несколько слов. Я удивился, услышав звуки незнакомой речи, но удивление длилось недолго. Значение сказанного всплыло откуда-то из подсознания. Тарси спрашивал: «Как вы себя чувствуете?» Слова ответа сложились сами собой, и я отпустил их на волю, дав возможность моему языку и гортани выдавать ранее незнакомые им звуки.

– Замечательно! – сказал Лоау по-русски.

– Что это было? – удивился я.

– Вы только что говорили на одном из диалектов тарси.

– Значит, получилось?

– Как видите. Давайте проверим? – Лоау горел энтузиазмом.

Тарси начал произносить фразы на одном языке, потом на другом. Каждый из них я не только понимал, но и мог отвечать.

– Завидую, – Лоау всплеснул руками. – Я исчерпал все свои языковые возможности. Вы же своих пределов пока не знаете. Вам предстоит множество открытий.

– А вы не можете так?

Я кивнул на саркофаг, из которого выбрался.

– Увы, не получается. Разве что использовать гипнокурс, но это совсем другая технология, и на нее потребуется гораздо больше времени.

Слово «гипнокурс» зацепило меня, будто колючий репей. Гипноз, как я не подумал?! Пока я был без сознания, тарси могли внушить мне все что угодно! Может, я – это уже не я? Что я помню о себе прежнем? Помню-то я много. Только о себе ли?

– А меня вы тоже сможете чему-нибудь научить под гипнозом? – задал я навоящий вопрос.

– Сейчас это невозможно. Ваш организм должен адаптироваться к новым возможностям. Нагрузка и так велика. Кстати, вы должны были приобрести еще одну способность: вас невозможно заставить забыть о чем-либо с помощью гипноза.

– Вы не шутите?

– Нисколько. Человек вообще не может что-либо забыть. Вся наша жизнь фиксируется и откладывается в памяти навсегда.

Досадно, некоторые моменты откровенно хотелось бы вычеркнуть не только из памяти, но и из бытия.

– Но мы же все-таки забываем!

– Это только так кажется. Информация здесь, – тарси постучал пальцем по голове. – Сама информация никуда не девается, блокируется лишь доступ к ней. Если мы что-нибудь забыли, мы всего лишь потеряли доступ к файлу. Именно поэтому под гипнозом люди могут вспомнить многое, что не могли вспомнить наяву. Под гипнозом можно открыть доступ к закрытым файлам, можно закрыть доступ к открытым файлам. Ваш уровень доступа к своим собственным файлам повышен, их нельзя заблокировать без вашего ведома.

– И я могу вспомнить все, что со мной когда-либо происходило?

– Не исключено, что со временем такая способность появится, абсолютная память не является чем-то исключительным. Давайте, попробуем! – оживился Лоау. – Припомните в деталях разговор при нашей первой встрече!

О чем мы беседовали, я помнил хорошо, но повторить дословно вряд ли удастся. Зато я с удивлением вспомнил все услышанное мной в момент сна и разблокировки моих способностей.

Первые десять минут техники тарси (между прочим, на своем родном языке) обсуждали тонкости работы аппаратуры. На двадцать третьей минуте Лоау поинтересовался, все ли идет по плану. На тридцать седьмой один из техников вышел, на сорок четвертой вернулся. И так далее, до самого моего пробуждения. Никаких попыток гипноза не было. В этом я был абсолютно уверен настолько, насколько можно верить самому себе. А уж кому тогда и верить.

Я вздохнул с облегчением и честно сказал:

– Наш первый разговор я помню хорошо, но дословно повторить его не могу.

– Ничего страшного, возможно, способности будут развиваться постепенно, – видимо, Лоау ожидал большего. – Идемте, у нас на сегодня намечена обширная программа. Надеюсь, вы не слишком устали?

– Совсем не устал, – сказал я. Встал, покачнулся и чуть было не упал. Пол поплыл куда-то. Техники тарси подхватили меня под руки и помогли сесть.

Через несколько минут слабость прошла, я поднял голову и увидел внимательный сочувствующий взгляд Лоау.

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, лучше.

На этот раз я действительно смог подняться без особых проблем.

– Мы можем отложить дальнейшие занятия.

– Нет-нет, не стоит.

Я забрал из шкафчика свой мобильный телефон и проверил звонки. Инга звонила дважды. Как-то нехорошо получилось, я даже не попрощался. Она, конечно, шпионка, и вообще хотела использовать меня в своих целях, но все равно у нас чуть было не дошло до интима. Я оглянулся в поисках дерева, по которому надо постучать, хорошо, что не дошло. На звонок все же не хватило духа. Подумав, я отправил сообщение: «Вынужден срочно уехать. Целую». И на всякий случай отключил телефон.

Я мысленно представил, как будет хмуриться Степан Сергеевич, читая это «целую», и улыбнулся. Вероятность прослушки моего телефона была почти стопроцентной.

– Для начала я хочу познакомить вас с условиями, в которых вам предстоит действовать. С языком местных жителей, их внешним видом и поведением. Кратко. Не будем перегружать вас информацией, сейчас важнее понять, как вы воспримете их язык, – вещал Лоау.

Экран у тарси был замечательный, во всю стену. На секунду мне показалось, что стена исчезла и на ее месте оказалась улица средневекового города.

Повозка скрипела колесами, мужичок в потертом кафтане вез дрова. Крик заставил его обернуться, он поспешил прижаться к обочине и пропустить кавалькаду всадников, состоящую из пяти человек.

Один из конных остановился и что-то крикнул возчику, взмахнув угрожающе плетью, тот ответил, униженно кланяясь.

О чем это они? Я не узнал языка. Понял лишь смысл разговора. Всадника окликнул другой, тот, что был постарше. И опять я уловил лишь общий смысл сказанного.

– Не понимаю, – честно признался я.

– Не беда. Сейчас возьмем другую сцену. Там разговоров будет больше.

Вместо улицы появилась торговая площадь. Торговцы расхваливали свой товар, стараясь перекричать соседей и зазывая покупателей каждый к своему ряду. Люд попроще больше глазел. Те, кто был одет не бедно, но и не богато, деловито приценивались. От общего плана камера перешла к частностям: служанка, переговариваясь с торговцем, покупала овощи и складывала их в большую корзину, которую держал парнишка лет двенадцати. Неожиданно толпа расступилась: в сопровождении одоспешенного воина продвигалась знатная дама, за которой следовала пара сопровождающих попроще.

Все сцены сопровождалось разговорами, но ухватить тонкости языка мне не удавалось. Лишь к концу часового просмотра что-то стало вырисовываться. Видимо, необходим был какой-то словарный запас.

Я неожиданно понял, о чем говорил всадник с возчиком и о чем трещали сопровождающие знатную даму служанки.

– Как все это снимали?

– Снимали автоматические зонды, замаскированные под птиц, с большого расстояния.

– Понятно. С языком я более-менее разобрался. Думаю, можно переходить к структуре общества и отношениям.

– Здесь не все понятно. Разумеется, мы поделимся собранным материалом, но некоторые вещи трудно оценить, лишь наблюдая за ними со стороны. Давайте отложим это. А сейчас вас ждет верховая езда и знакомство с холодным оружием. Занятия будут происходить за городом. Чтобы не терять время, воспользуемся нашим транспортным модулем.

Транспортными модулями тарси в пределах планеты пользовались нечасто. Люди привыкли к матовым эллипсам, время от времени появляющимся в воздухе и передвигающимся с невиданной скоростью и невероятной, по меркам жителей Земли, маневренностью. Тем не менее тарси старались не слишком злоупотреблять полетами, чтобы не вносить в общество лишнее беспокойство.

Надо ли говорить, что проносящиеся в воздухе бесшумные машины у многих вызвали желание обладать чем-то похожим. Не обошлось и без попыток захвата инопланетной техники, несмотря на все договоренности и предупреждения. Слишком уж лакомым был кусок. Попыток таких было три. В результате один транспортный модуль претерпел аварию и был разбит. Два были захвачены: один в Африке, другой – в Северной Америке. Вскоре после захвата сработала автоматика самоуничтожения и сплвила всю начинку, превратив модули в безжизненные монолиты. Изучить их не удалось.

Кто стоял за этими попытками, официально установить не смогли, вряд ли это была инициатива местных жителей тех стран, где это случилось. Тарси предупредили со всей ответственностью: еще одна такая попытка – и они покинут Землю. Фармацевтические компании взвыли, обеспокоились и те, кто пользовался медицинскими препаратами, производимыми по технологиям тарси, а среди них было немало известных людей. На поиск похитителей были брошены невиданные силы и средства.

Примерно через месяц на месте захвата модуля были найдены расстрелянными более двадцати человек, относящихся к профессиональным наемникам, еще несколько человек в это же самое время выпали из окон небоскребов. После этого по Сети было распространено обращение неизвестного, который объявил, что так же будет с каждым, кто покусится на добрососедские отношения и помешает пребыванию на Земле инопланетных гостей.

Предупреждение было весомым. Вряд ли причиной его стало такое уж сильное желание сохранять добрососедские отношения. Компании не хотели терять миллиардные прибыли, высокопоставленные лица не хотели умереть на несколько лет раньше без чудо-лекарств. Попытки захвата инопланетной техники прекратились. Что касается просьб поделиться чудесными летательными аппаратами, то тарси мотивировали отказ недостаточно развитой технологией Земли и невозможностью производить в земных условиях подобную технику. Мотивация не выдерживала серьезной критики, но иных вариантов пока не предвиделось.

Транспортный модуль за пять минут преодолел несколько десятков километров и приземлился в тихом месте, похожем на небольшой хутор.

– Я оставляю вас тут на несколько дней, – сказал Лоау. – Нам рекомендовали тех, кто вас здесь встретит, как лучших специалистов. В комнате, которая для вас приготовлена, вы найдете компьютер с адаптированными под его формат записями с места вашей будущей работы. Познакомьтесь с ними. Если будут вопросы, обращайтесь.

Тарси протянул мне небольшую пластину, похожую на кусок прозрачного пластика.

– Что это?

– Прибор связи. Приложите сюда палец для идентификации.

Я приложил. Пластик засветился мягким желтым светом. «Идентификация пользователя произведена» – высветилась надпись на языке тарси. Благодаря новым возможностям я смог ее прочесть.

Прибор был чем-то похож на мобильный телефон, разве что сделан по более высокой технологии. В списке вызовов был только номер Лоау.

– В гараже стоит машина, можете ею пользоваться. Если вам потребуется позвонить в город, то можно связаться с любой сетью через коммутатор нашего представительства. Просто нажмите на этот вот квадрат и назовите нужный номер.

– А батарейки не сядут? – я кивнул в сторону тарсийского телефона.

– В ближайшие два года не должны. В любом случае я появлюсь раньше. Осваивайтесь, изучайте материал. Через несколько дней я вас навещу.

Тарси поднял в воздух транспортный модуль, и я остался стоять у ворот. Не оставалось ничего другого, как пойти посмотреть, куда же меня собственно доставили.

Двухэтажный рубленый дом был выполнен в старинном стиле с большим количеством резьбы по дереву, с крытым крыльцом-навесом. Около этого самого крыльца меня поджидала невысокая брюнетка лет тридцати в кожаных штанах для поездок верхом и сюртуке. Длинные волосы женщины были собраны в хвост.

– Здравствуйте, меня зовут Милана, – женщина протянула руку, расположив ладонь вертикально, а не горизонтально, что явно говорило о ее деловых намерениях.

– Здравствуйте, я Павел.

– Наш конноспортивный клуб рад приветствовать вас. Я научу вас верховой езде и обращению с лошадьми. Что еще кроме этого вам требуется по означенной теме? Мир любителей лошадей узок, я знаю в нем многих. Если вам необходимы какие-то дополнительные знания и умения, скажите, и мы привлечем нужных специалистов.

– Спасибо, я подумаю. Для начала хотелось бы начать с общего знакомства.

– Конюшня за домом, пойдете.

Трехчасовой урок прошел очень продуктивно. Милана познакомила меня с упряжью, объяснила ее предназначение, рассказала о повадках лошадей, потратив на все это добрый час. Оставшиеся два часа были отданы самой верховой езде. Не скажу, что я многому научился, но время однозначно было потрачено не зря.

– По плану сейчас обед, затем часовой отдых, затем занятия с мастером Тонадой. Желаете внести изменения в план?

– Нет, пусть все будет, как запланировано.

Интересно, кто такой Тонада? Они что, японца пригласили?

Тонада действительно оказался японцем, причем знаменитым мастером. Я почувствовал это сразу, как только вошел в зал, устроенный здесь же, в правом крыле первого этажа. Японец излучал титаническое спокойствие и непоколебимую уверенность.

– Здравствуйте, Тонада-сан, – поприветствовал я его.

– Здравствуйте, Павел-сан. Ваш интерес – знакомство путь меча, – на ломаном русском отозвался Тонада.

– Можем попробовать говорить на японском.

Японский дался мне гораздо легче, чем язык другого мира. После десяти минут общения с Тонадой я говорил довольно сносно и неплохо его понимал. Беседа с мастером оказалась весьма полезной и познавательной. Я мог бы очень многому от него научиться лет за пять. Я мог бы чему-то у него научиться за год, возможно, за полгода. Но вряд ли Лоау согласится отложить экспедицию на такой срок. Что-то его торопит, иначе он не настаивал бы на такой краткой программе обучения. Может быть, мне удастся уговорить его продлить программу на неделю сверх планируемого, но не на полгода же.

Увы, за пару недель я ничему не смогу научиться у мастера Тонады. Я осознал это со всей отчетливостью. Слишком обширна база, которую он закладывал в основу своего умения. Одна стойка может заучиваться неделями, одно движение – месяцами. И это не вина мастера. По-другому он не мог, так построена его школа.

Вечером, сидя у компьютера и просматривая записи средневекового мира, я думал о том, как мне быть. В результате я решил набрать номер Лоау.

– Что-то случилось? – тут же откликнулся тарси.

– Пока нет. Необходимо срочно заменить мастера меча.

– Этот плох? – удивился серый. – Мне говорили, что он из лучших.

– Мастер очень хорош, но за одну-две недели я не смогу у него ничему научиться.

Серый задумался и замолчал.

– Я попробую что-нибудь придумать, – выдал он через полминуты.

– Буду ждать.

Я закончил говорить с тарси и решил позвонить отцу. Мобильник не ловил, пришлось воспользоваться аппаратом тарси. Вызвав коммутатор, я услышал ответ на языке тарси:

– Электронный координатор слушает. Чем могу быть полезен?

– Прошу установить связь с городом.

– Диктуйте номер.

Отец ответил быстро, удивился, что я звоню не со своего аппарата, и сообщил, что у них пока все без изменений.

Вечер я посвятил просмотру материалов, собранных на Толхе – так называлась планета, на которую мне предстояло отправиться. Большая часть материала относилась к королевству Актя, крупному и довольно развитому. Структура общества здесь не слишком отличалась от структуры, принятой в Средневековье на Земле. То же самое деление на классы: знать, торговцы, простолюдины. Но каждый из этих классов делился на несколько подвидов. Принадлежность к дворянству предполагала служение, но оно не ограничивалось только военной службой, пусть она и была наиболее популярной. Дворянин мог продвинуться и по административной части, и, как это ни странно, по научной. Купечество подразделялось на вольное и ленное (действующее от имени и по поручению кого-то из дворян). И то, и другое имело свои преимущества и риски. Наемники делились примерно так же (на тех, кто заключал постоянный контракт найма или довольствовался временным). Незнатные горожане были свободны в своих передвижениях. По крайней мере, те из них, кто не попал в долговую зависимость. Что касается крестьян, то в густонаселенных районах практически все они находились под властью крупных землевладельцев. Но на окраинах можно было встретить и вольный люд. Обширные пространства и непроходимые леса на западе скрывали много интересного.

Материал был весьма познавательный, но пока я не встретил ничего, что говорило бы о проблемах этого мира. Неурядиц здесь хватало, но ничего, настолько кардинального, что могло бы отрицательно повлиять на развитие всего этого мира, я не заметил.

Утром после завтрака продолжились уроки верховой езды. Милана поинтересовалась, достаточен ли объем занятий, и я выдал ей все, что придумал накануне, попросив организовать как можно более объемную лекцию о породах лошадей, подковах и седлах. В том числе тех, что использовались в старину.

Миновал обед, занятия с мастером Тонадой не состоялись, Милана сообщила мне, что мастер сегодня утром уехал, и поинтересовалась, буду ли я и после обеда практиковаться в верховой езде. Я согласился, попросив сделать трехчасовой перерыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.